

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

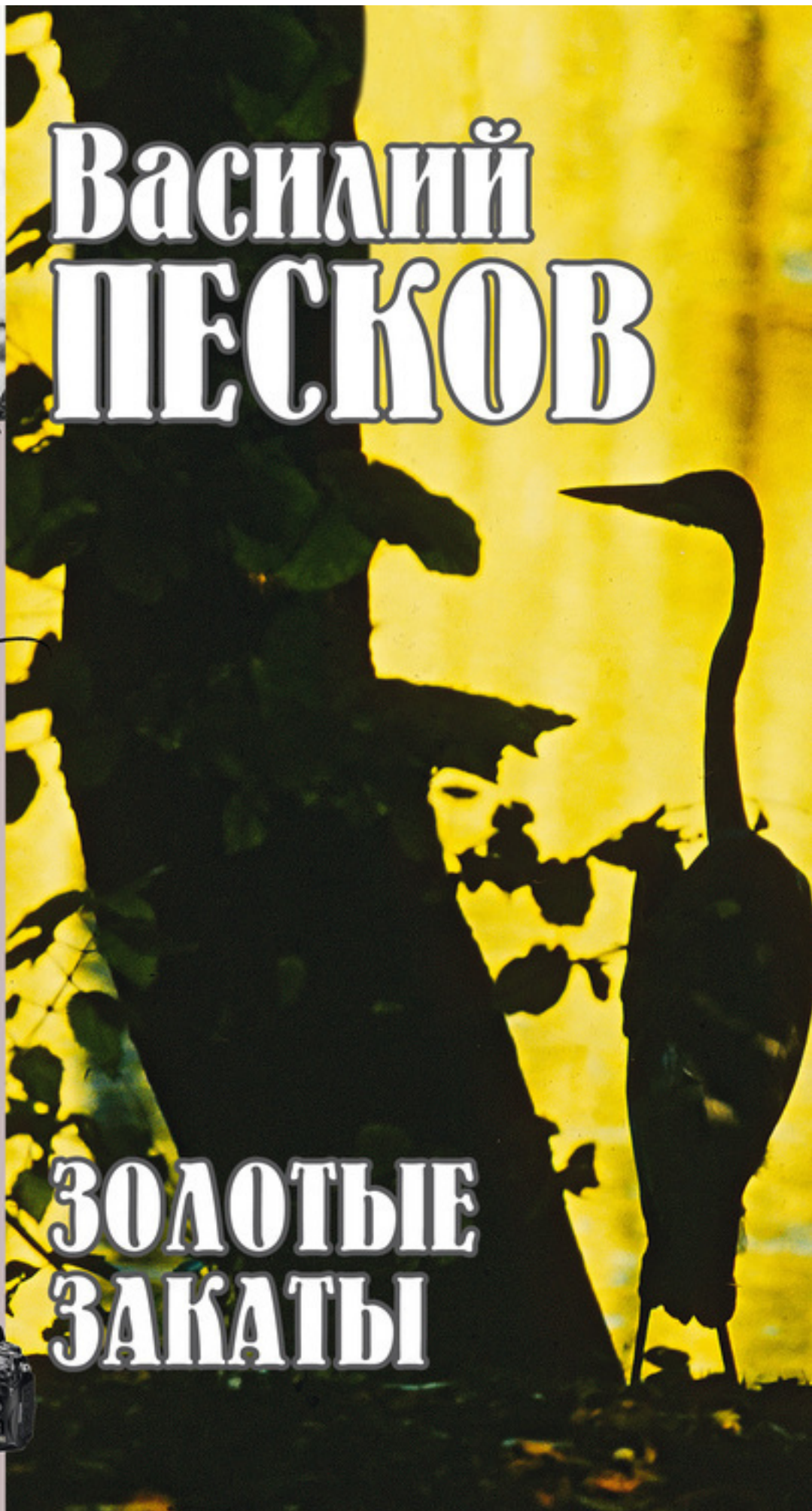
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ЗОЛОТЫЕ ЗАКАТЫ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 20. Золотые закаты**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 20. Золотые закаты
/ В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда»,
2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-896-9

В новом томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова мы продолжаем публикацию заметок из рубрики «Окно в природу» и знакомим читателей с удивительными и мужественными людьми, встречавшимися Пескову в его журналистских поездках. Например, с историей двух русских мореходов Медведевых, которые вблизи Австралии потерпели аварию и более пяти месяцев были игрушкой океана.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-896-9

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	7
1997	9
Гусиный бой	9
Маловато воды для шуки...	13
Маленькие тайны большого двора	16
На костре жизни	20
Живущий в крепости	26
Умолкающий невидимка	29
Кто как уходит...	32
Год не видались...	36
Поглядим в глаза друг другу...	51
Беловежская пуща	54
Лестница жизни	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 20. Золотые закаты

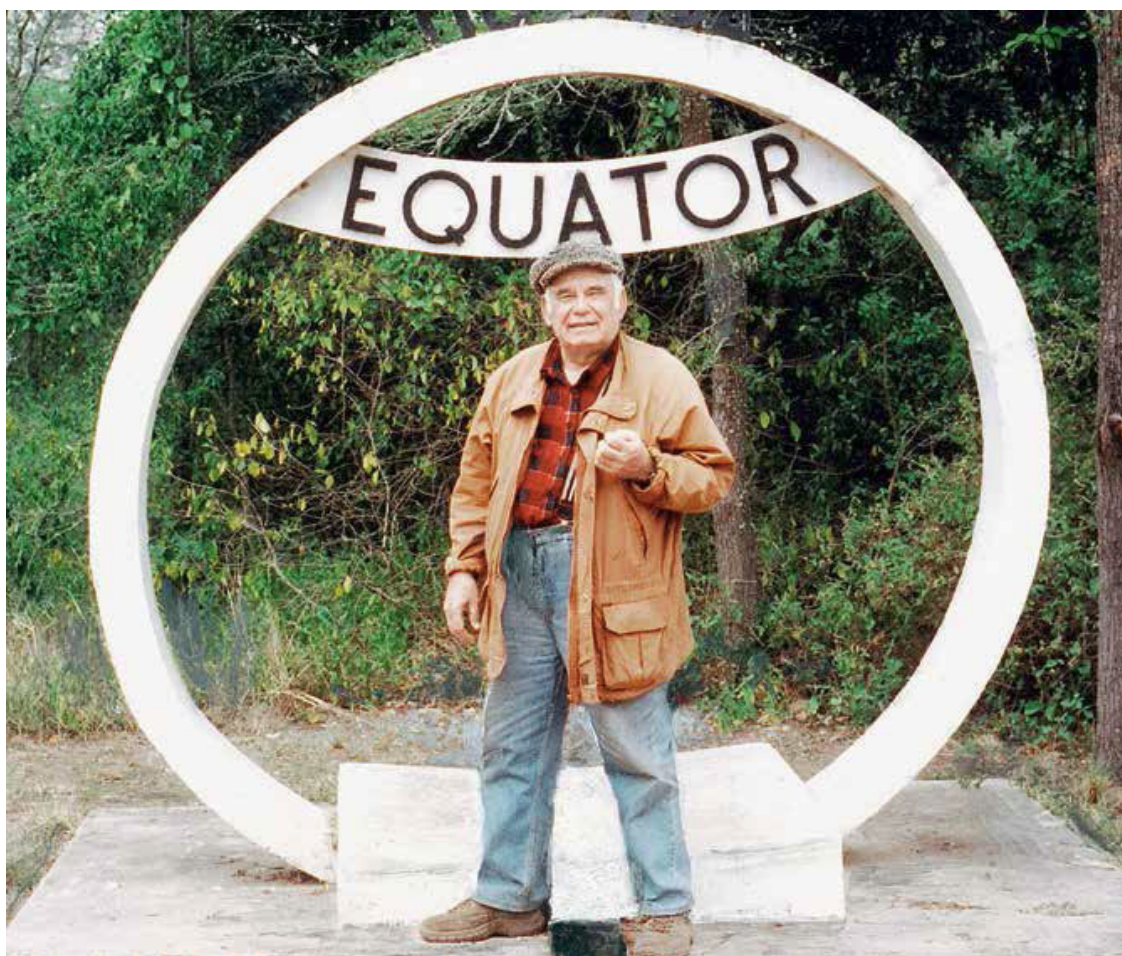
1996-1998

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мы законно гордимся построенными... заводами, комбайнами, спутниками, ледоколами. Это естественная гордость общества людей, начинавших жизнь от сохи и лаптей. Но если оглядеть наши ценности, главной будут не комбайны и спутники. Американец, с которым у меня состоялся разговор на антарктической базе Мак-Мердо, не мог понять: «Ваша целина без принуждения?.. Как это так оставить жизнь в хорошем месте и поехать в трудное?..» Это в самом деле нелегко понять человеку иного, не нашего мира. Главное, что радует нас в успехах и дает силу преодолеть трудности: в своих идеалах и устремлениях общество... опирается на лучшее из человеческих качеств – бескорыстие».

В. Песков

Предисловие

В последних томах собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, если вы обратили внимание, заметки из «Окна в природу» стали несколько большие по объему. А секрет прост: в «Комсомолке» в конце девяностых прошлого века стало выходить пятничное приложение, в народе быстро получившее прозвище «толстушка» – за количество страниц.

И вот Василий Михайлович со своей рубрикой перебрался из основной ежедневной газеты туда. Это отдельная и довольно забавная история. Я наткнулся на нее на нашем сайте «Комсомолки» kp.ru. Там ее рассказывал Владимир Мамонтов, который именно в момент прихода Пескова в «толстушку» ее и возглавлял. Давайте вместе прочитаем:

«...Если честно, глядя на первые наши номера (а делали мы их внятером против остальной ежедневной «Комсправды» числом этак под триста), только очень прозорливый человек мог предположить, что успех придет. Шли на ощупь, проваливались в бездны. На планерке, когда вышел наш первый номер, стояла мертвая тишина, прерванная вздохом Ядвиги Юферовой: «Ну что, до такого мы еще не опускались».

Мы сидели на задворках знаменитого шестого этажа, все в маленьком ньюсруме, начальники с подчиненными наперекосяк... Мы ж были не дураки – и понимали, что сваяли не шедевр. И тут к нам пришел Василий Михайлович Песков.

– Привет, – сказал он. И снял кепку. Василий Михайлович задолго до Лужкова (бывшего мэра Москвы. – Ред.) ходил в кепке. А также в подтяжках. Он не был элегантен, врать не надо, и штаны его глажены бывали через раз, но в целом был образ. Стиль. Мы расчистили ему стул.

Василий Михайлович был легенда... Он с 1956 года работал в «Комсомольской правде». Мне было четыре года, а он работал уже в «Комсомольской правде».

– Я вот чего подумал, ребята, – сказал Песков. – А отдайте-ка мне полосочку под «Окно в природу». В вашей этой... пятничной.

Алексей Ганелин, а он олицетворял всегда у нас противоход и тягу к новому, открыл рот, и я подумал, что сейчас все и решится.

– А запросто, Василий Михайлович, – сказал Алексей. – А вот милости просим.

Я представил, как вся ревностная «остальная» «Комсомолка» завтра неровно облезет, обсуждая, что Песков ушел «к ним», и мысленно заплодировал Ганелину.

– Полосочка, конечно, у вас маленькая, – вздохнул Песков. – А-три.

– Зато тираж у нас будет аж три. Аж три миллиона, – сказал я, поскольку отвечал за проект и врать-мечтать имел полное право.

– И пишете вы, конечно, черт знает о чем, – продолжал Василий Михайлович, как бы не слыша. – Кстати, Асламову вашу читал... Нет, ну... Эта тема... Ей близка! Она... Хорошо пишет, чертовка!

Песков разудыбался и рассказал анекдот. Анекдот удивительно подходил к теме Дарьи Асламовой (в те годы она была известна по своей книге-«бомбе» «Записки дрянной девчонки». – Ред.) и по закону не может быть рассказан в средстве массовой информации.

– Так это, – сказал он, когда мы громово, до кашля, до икоты отсмеялись за все унижения этого дня, за все волнения. – Я приношу полоску? Но чур без рекламы.

– Конечно, – сказал я, дивясь искренности собственного тона.

Он сел, и мы обсудили какие-то технологические мелочи. А также и не мелочи: он попросил, чтобы его стилистика не изменялась: фотография, неброский, но точный

заголовок, интонация – не надрывная, не зазывная, а оторваться невозможно. Мы сделали Василию Михайловичу душевный бутерброд.

– Что я хочу сказать? – начал Василий Михайлович. – Вот я всю свою жизнь воевал за то, чтоб маленькая речка моего детства стала опять чистой. Я исписал кучу листов бумаги, которые перепечатывали машинистки, правя мои ошибки, а я не стесняюсь сказать, что как сын машиниста и крестьянки делаю ошибки, и спасибо бабе Кате, великой комсомолкинской машинистке, что она их исправляет. Но вот пришли дни, когда моя речка опять чиста, в ней есть рыба, а вокруг тишина. Рад ли я? Нет. Ибо стали заводы моей страны. Испарилась ее сила. И река, которая стала чистой такой ценой, не радует меня. Я бы порадовался, если бы сила ее была такова, что и сталь – и чистая вода. И ракета, и земляника. За вами, конечно, сила, чего там, други. Новая жизнь. Вы думаете, что вас пятеро тут? Да вы же на всей газете, как на грибнице, стоите. Имейте это в виду. Думаю, я вам не помешаю. Верно ведь?

– Честно говоря, вы нам сильно поможете, – сказали мы, – на фоне нашего сегоднешнего триумфа.

Он засмеялся довольно, поскольку он, конечно, был удивительный человек: и хитринка его была народная, и открытость дипломатическая, и свет не прожекторный, а ровный и верный. Ох, пригодился бы свет – хоть газеты реформируй, хоть РАН, хоть Минобороны. Но это к слову.

Точно могу сказать: все эти годы новой жизни «Окно в природу» выходило в «толстушке» единой и неделимой «Комсомольской правды»...

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1997

Гусиный бой

Окно в природу

Снимок сделан за три-четыре секунды до боя. Бой я тоже снимал, но на снимках трудно что-либо понять: распущенные крылья, перекрещенные шеи – азартная свалка. Тут же за мгновение до боя мы видим нечто подобное строю. Видим две группы. Гуси очень похожи, но опытный глаз сразу же отличает бойцов, остальные – поддержка, «болельщики». Среди них непременно должна быть «любка» – подруга бойца-гусака. Без присутствия «прекрасных дам» гусаки проявят равнодушие друг к другу. Но если «любка» подает голос, подбадривает – гусак немедленно ринется в бой.

Гусиные бои – забава старинная и только российская. В других землях тешатся схватками петухов, перепелов, баранов, грызней собак, крысиными гонками, сраженьем бойцовых рыбок, тараканьими бегами, в литературе, в стихах и музыке воспета знаменитая коррида. Гусиная потеха не лучше и не хуже других.

За четыре секунды до боя...

Когда люди еще не сидели у телевизоров, чем было себя потешить деревенскому человеку? Хороводами, вечерними посиделками, красочными свадьбами, кулачными боями и боями гусиными. Едва ли не в каждой деревне тульской, калужской, рязанской, курской, нижегородской земли в марте месяце тешились азартными зрелищами. Гусиным краем России сегодня почитаются курские земли – летом луга тут белым-белы от гусей. А бои сохра-

нились только в нижегородских – на Оке в Павлове и вот в нескольких селах за Волгой. Тут тоже «свеча догорает», но есть еще и азартные люди, и азартные гусаки.

Несколько лет собирался съездить на это ристалище, но по разным причинам в третье мартовское воскресенье был чем-то срочным занят. А в этот раз друг – подмосковный птицевод Николай Иванович Золотухин – сказал: «Брось все, поедем!»

И вот едем в Нижний через Покров, Петушки, Владимир. Ночью блуждаем по окраине города в поисках дома одного здешнего гусятника. Нас терпеливо ждали – ужин, сладкие «гусиные» разговоры, хождение с фонариком к загону, где сдержанно гогочут дородные серые птицы. Приехавших четверо. Кроме нас с Николаем Ивановичем, двое шоферов из-под Курска, тоже гусятники, мечтают возродить «потеху» на Черноземье. В Нижний гусей своих переправили загодя и сейчас пытаются их отличить от всех остальных...

Утро солнечное – с писканием синиц, с каплей, с сорочьими играми, с белой бороздой самолета на небе. Попив чайку и погрузив большие корзины с гусями, едем на Волгу и через час прибываем в деревню Поповка. Подъезжают и подъезжают гусятники. Богатые из автомобилей выносят корзины и короба с птицами, бедняки привезли свои сокровища на салазках. В остальном – равенство, герой тот, чей гусь победит.

Образуются пары соперников: «Ну что,пустишь против моих?» – «Не возражаю, давай...» Кое-какие пары определились заранее. И есть соперники давние – чей-то гусь проиграл года четыре назад, и вот теперь хозяин привез нового и очень надеется на него. В центре внимания семья старейших гусятников Мироничевых: дед Алексей, сыновья – Владимир и Павел и внук Иван. У каждого свои гуси, у семьи в целом – счета с такой же династией.

Рассказывают: давние соперники могут не дожидаться большого ристалища и прямо во дворе сводят своих воспитанников. При этом для куража могут быть ставки денежные. И немаленькие. Иногда ставки в азарте делают «на миру». Отец приютившего нас Александра Чивикина был страстным гусятником. На боях в 61-м году, выпустив своего гусака, он положил на снег тысячу рублей: «Кто?» Тридцать пять лет назад это была очень высокая ставка. Нашелся кто-то такой же азартный. И проиграл.

Сейчас обедневший гусятник шепнет соседу: «Ну что – на банку?» После боя «банку» тут, на снегу, и «раздавят», закусив хлебом и салом.

Гуси об этих страстях человеческих, конечно, не ведают. Их драки – предписание Природы, гуси не знают: огорчили хозяина или же осчастливили.

У всякого состязанья есть правила. И у гусятников они есть. Нельзя, например, ставить старого гуся против молодого, неопытного. Переходник (двухлеток) должен сражаться с ровесником, трехлеток – с трехлетком, и только после пяти лет все гуси считаются равными в силе и опыте.

Есть на ристалище в согласии выбранный знаток баталий – нечто вроде судьи. Он следит за всеми тонкостями поединка, определяет победителя, улаживает споры, недоразумения. По его сигналу в круг, образованный двумя сотнями людей, выпускают сейчас первую пару соперников. Страсть гусей к мартовским дракам так велика, что схватка начинается сразу. Гусаки хватают друг друга клювами за сгиб крыла, стараются прижать, припечатать к земле, ударить своим крылом – гусаки пятаются, наступают, заставляя зрителей то делать круг шире, то сузить. Гусыни в это время своих возлюбленных поддерживают страстными голосами. Иногда в азарте они могут клюнуть друг друга. Но всерьез не сцепляются: драки – дело мужское.

Гусаки же полны решимости победить: молотят друг друга крыльями, но главное – клюв. Кто рос в деревне, знает, как больно гусак может ущипнуть за мягкое место. Сгиб же крыла у птицы особо чувствителен к боли, и поединок часто решает невозможность терпеть эту боль. Ослабший вырывается и бежит.

«Ушел! Ушел!» – приветствует победителя круг болельщиков. Победитель гордо направляется к «даме сердца». А побежденный? Он свою подругу теряет? Нет. Гусыня спешит за возлюбленным, есть у нее утешенье, знаки вниманья и все остальное, что полагается в их отношениях.

Между тем на арене еще одна пара. Тут дело принимает другой оборот. Один из гусей решил, что лучше донять противника, потянувшись клювом к его голове. В гусином мире это, возможно, один из хороших приемов, но в человеческих правилах боя это недопустимо. «По шубе пошел! По шубе!..» – кричат болельщики, наблюдая, как гусь тербит на спине противника перья. «Голова! Голова!..» – это значит: гусак норовит нанести «запрещенный» удар. После трех замечаний насчет «головы» гуся дисквалифицируют, и победа, не очень, как я понял, почетная, присуждается тому, кто правил не нарушал. Еще большее преступление в драке – схватить противника клювом за лапу. Возможно, для птиц это норма, но тут, сейчас – вопиющее нарушение правил, понятное всем. «Нога! Нога!..» Хозяин гуся тоже понимает, что это позор, и поспешно прячет бойца-бедолагу в корзину.

Побежденный и нарушитель правил никогда больше в боях не участвуют. «Приезжайте, будет гусь с яблоками!» – скажет хозяйка дома, приглашая гостей. А победителя все запомнят. Бывали такие, что лет пятнадцать подряд оставались «не битыми». От такого бойца у хозяина просят потомство – яичко его возлюбленной или гусенка. Хозяин мудро распоряжается этим богатством, и растут в округе династии гусаков – «Бизонов», «Формазонов», «Карасей» (по фамилии хозяина – Карасева). Иногда появляется соблазн заполучить самого ежегодного триумфатора. Но кто же его уступит! Одному дедушке тут предложили за гуся большую молочную флягу меда и четыреста тысяч. Старик вежливо улыбнулся: «Зачем мне мед. Мне радость нужна!» Это вам ключ к пониманью «гусиной потехи». Хозяин горд птицей, которую вырастил и которая побеждает. «Во время боя я сам не свой – переживаю так, что зубы скрипят», – признался мне один из старейших гусятников. И посетовал: «Что осталось от прошлого! Жалко смотреть. Раньше были команды – село на село, район на район. По сто пар дрались! Людей собиралось – сосчитать невозможно».

Но и маленькая баталия с пятнадцатью парами бойцов была событием важным, подтверждавшим: традиция еще теплится.

Побежденных в этой баталии почему-то не было видно. Одни победители! С гордостью фотографировалась семья Мироничевых. Не опозорились гуси курян – Жорик и Тимка. Николай Иванович Золотухин хвалил своего «туляка». А сын доброй памяти Михаила Ивановича Чивикина (того самого, что клал на снег тысячу) зоолог Александр Чивикин захмелевшим голосом почти что пел: «Я сегодня очень, очень доволен...»

В прошлом веке, когда гусиные бои привлекали много людей, цена гусаков-рекордсменов, ежегодно побивавших противников, поднималась до 150 рублей (корова в те годы стоила 20 рублей). Ставки на гусиных боях в Нижнем делались золотыми монетами. Купцы гордились владением гусем-героем.

Угасая от года к году, птичья потеха все же, видим, до наших дней сохранилась. И порода «туляков» пока не утрачена – знатоки выбраковывают гусей с любым пятнышком, с любой черточкой вырожденья, обмениваются, как теперь говорят, генетическим материалом: знают, какому бойцу кто был отцом-матерью.

Готовят ли «туляка» к бою? Насколько я понял, никакой дрессировки и обучения нет. Но важно держать гусака в форме, важно, чтобы не был он взаперти и растил бы мускулы, а не жир. Излишним кормленьем можно бойца испортить. «Нехороша для корма пшеница, хорош овес. Крепит силы у гуся морковка и питье с медом», – просвещал меня в Нижнем старый гусятник.

Самое важное: должен гусак быть влюбленным, и подругу его непременно берут на бои. «Бывали случаи, купит охотник героя-гуся, а «любкой» пренебрежет – найдет, мол,

другую. Ан нет, выпустят гусака, а он ноль внимания ко всему, нет любимой – за кого драться?»

Любовь – главный двигатель всего живого!

• Фото автора. 29 марта 1996 г.

Маловато воды для щуки...

Окно в природу

Сперва полистаем, что писано Пришвиным про охоту на щук весной. Есть у нашего патриарха-натуралиста прелестный «Календарь природы», и есть там главка с названием «Щучий бой». «Календарь» был издан семьдесят лет назад, когда Пришвин жил на Плещеевом озере (Ярославская область) и вел дневник всего, что видел в природе.

Вот апрельские записи. Присел охотник на сани местного лесовоза. «Возчик назвал себя: Иван Базунов из Веслево...

– Знаменитый охотник за щуками? – спросил я.

– Спец своего дела, – ответил Базунов... – И в этом имею свою заразу счастья... Когда первые потоки пойдут и вольются в озеро, щука идет против струи, и тут я бросаю свое хозяйство и становлюсь на струю... Щука лезет на мелкое место, на тонкие воды, упирается в дно, выжимает икру, а молочники ее подбеляют. Бывает, до семи молочников кипит над большой щукой, она же всегда внизу, и тут – кто не умеет – ударит непременно в молочников, она же, самая большая, уходит. Но я знаю, как надо ударить, и бью острой ниже молочников, потому что я спец своего рода...»

Однако не один Базунов на Плещеевом озере славен был щучьим боем. «Вечером по забережью всюду огни: сторожат, с лучом идут по воде выше колена между берегом и льдом... С часу на час ожидают выхода самых больших щук... В полумраке Думнов, один из тех, что с Петром думу думал, в сторонке от всех по мелкому месту тащит огромную сваю, рушит ее с воды на край льда и перебирается на лед. Он заметил, что из-под льда время от времени показывается чудовищная голова... Видели, как Думнов наметился да так и остался с поднятой острой; оказалось, побоялся ударить – щука могла утащить его под лед. На берегу ругались и смеялись, а Думнов требует себе самогонки, выпивает бутылку за раз, ждет...

И вдруг сомнения о думновской щуке окончились – все видели, как показалась из-под льда и вернулась назад огромная голова. Думнов требует вторую бутылку.

После второй бутылки показывается та чудовищная голова. Думнов ударил правильно: пришил щуку ко дну. Но что теперь делать дальше, если от длинной остроги над водой остался только очень маленький кончик? Такую щуку нельзя достать на остроге, а руками не дотянешься... Думнов неплохо сделал, что выпил две бутылки самогонки, теперь ему по колено море: спускается в ледяную воду, становится ногами на щуку, скрывается совсем под водой, там впирается пальцами в щучьи глаза, показывается снова из-под воды, волочит по берегу свою добычу. Все видят: огромная щука и с нею молочник фунтов на десять...

Думнов кушак продевает под жабры, подвешивает так, что щучья голова у него вровень с затылком, а хвост волочится по земле. Идет в деревню, собираются бабы, вся деревня сбегается, и везде молва: Думнов щуку убил и еле донес...»

Все это я, помню, подростком прочел в какой-то растрепанной без обложки книге. Уже став взрослым, обнаружил: написано Пришвиным! И много лет жил с мыслью: увидеть бы такую картину хоть раз.

И это не самая крупная...

В позапрошлом году в Дарвиновском заповеднике мне сказали: «Такой способ охоты на щук теперь запрещен, тем более в заповеднике. Потихоньку щук, конечно же, бьют – острогу теперь делают из нержавеющей стали или титана, – но охотятся без свидетелей и нешумно. Но если хотите посмотреть нерест щук, приезжайте к 1 мая. Зрелище интересное».

И вот я, кажется, в самом медленном на свете поезде маюсь до Весьегонска. Тут друзья встречаются на катере, и мы, лавируя между льдин, уплываем в поселок Борок на знаменитом «искусственном море» – Рыбинском водохранилище.

Но невезенье – ничтожно мало воды! Загадочно мало для весеннего половодья – «за пятьдесят лет существования заповедника впервые наблюдаем такое».

Картина водной скудности удручает. По зеркалу половодья поднялись песчаные острова и каменистые гряды, темнеют пни деревьев, срубленных тут в ложе водохранилища перед войной, по ним угадывается русло реки Мологи. Тысячи пней черными кочками возвышаются на уже обсохшей земле. Пролетающие стаи гусей, наверное, с удивлением и настороженностью наблюдают необычный весенний пейзаж.

И нет нереста рыб. Щуки из глубины в это время идут на просторы залитых лугов, чтобы тут в прогретой воде бросить икру на щетинку луговых травостоев. Но луговины лежат сухими. Пересохшими выглядят ручьи и речки, по которым в «море» обычно льются талые воды. Поплавковые бакены, собранные на зиму в устья речек, должны сейчас весело плавать, а они стоят в грязевой жиже. Вода у Борка, обнажив песчаное дно, ушла от берега метров на двадцать. «Вот те и половодье!» – сказал озадаченный старожил этих мест.

О нересте щук могли мы лишь говорить, обсуждая за чаем сюрпризы странной весны.

У Пришвина все описано точно. Как только набухнут водяные закраины между сушей и льдом, щуки уже наготове. И по мере подъема воды они устремляются на луга, в тальники, в камышовые заросли. За крупной щукой, обычно кургузо-короткой, следует несколько самцов-молочников. Их отличишь сразу по длинному прогонистому телу, и они всегда значительно меньше щуки.

Таинство щучьей любви хорошо наблюдать в тихий погожий день. Спина у щуки иногда виднеется над водой. Рыба трется о травянистое дно, истекая зеленовато-желтой икрой, а молочники вьются вокруг акробатами, «подбеляя икру».

В любовном возбуждении щуки становятся небоязливыми. «Если, стоя в воде, шевельнуть ногой в резиновом сапоге, молочники могут это принять за призывный всплеск самки и подплывают вплотную».

Икрометание щук для многих обитателей водоемов – время большого пира. Одних интересует икра, а орлан-белохвост предпочитает унести щучку. Когда вода начнет убывать, щуки вместе с ней спешат уйти в водоем. Но кое-какие могут оказаться отрезанными и будут метаться в усыхающих лужах. Такие места не преминут проведать медведи, волки и лисы. Замечено: даже филины соблазняются рыбным столом, если щука ерзает на мели.

Сбросившие икру и молоки, щуки голодны и гоняются за добычей, как волки. С детства помню: весной, если удавалось поймать живца, щуку можно было считать уже на кукане. Голодная «крокодилица» после нереста может пытаться прищучить даже любовника. Но удача ей в этом сопутствует редко: брюхата, неповоротлива, а у молочников форма всегда спортивная – проворны, резвы.

В обычное время щука хватает все, что под руку попадает, в первую очередь, конечно, рыбу, подкарауливая ее в засаде. Но ловят щуки также лягушек, линялых раков, водяных крыс, зазевавшихся на мелководье куличков. Большая щука может проглотить утку. Описан случай, как «крокодилица» схватила за лапу гуся и пыталась его утопить. (Именно так охотятся крокодилы.)

По размерам щуки в российских водах уступают только сомам, но встречаются чаще. Щука – рыба обычная. Спокойные тихие реки, озера, речные старицы, большие пруды – вот щучья стихия. Промысловой рыбой щука не является. Но эта желанная рыба для рыболовов-спортсменов, и по этой причине ее даже кое-где специально разводят, инкубируя икру на искусственных нерестилищах.

Пищевые достоинства рыбы средние. Донские казаки раньше щуками брезговали – «лягушатница»! Древние римляне тоже эту рыбу не считали съедобной. Англичане же в Средние века ценили щук выше лососей, а у евреев это почти национальное блюдо.

Теперь посмотрите на снимок. Сколько весит, по-вашему, это чудище? Всего четырнадцать килограммов. (Легко представить, насколько близится к облику крокодила трехпудовая щука.) Эту красавицу за неделю до моего приезда в Борк сетью поймал ихтиолог Николай Михайлович Зеленецкий. (Каждый год весной ведутся контрольные выловы рыб, идущих на нерест.) У этой щуки взяли трехлитровую банку икры. Ко дню беседы о щуках икра уже просолилась, и мы могли оценить ее вкус.

• Фото из архива В. Пескова. 12 мая 1996 г.

Маленькие тайны большого двора

Окно в природу

Мы еще сидели у телевизора, когда прокричал первый петух. «Двенадцать...» – сказал хозяин. Я поглядел на часы, было три минуты первого, и я подумал о неплохом чувстве времени у этой самой распространенной в мире птицы. Будильник у Николая Ивановича – электронный, показывает цифры, женским голосом называет время и в заключение кричит петухом. Но разбудил нас не этот хитроумный приборчик. Петухи! Ближе к рассвету началась переключка. Один петух кричал голосом нестарого дьякона, другой слывет тут Шаляпиным, третий кричал, как с похмелья, у четвертого голосище походил на треснутый репродуктор. Я сунул голову под подушку, а Николай Иванович прошлепал к умывальнику и тут же пошел кормить и поить «возвестителей дня».

Зимой во дворе было примерно две сотни голов разной птицы: куры, гуси, утки, индюшки, цесарки, павлины, перепелки, фазаны. В мае численность взрывом увеличилась в десять раз. Двор пищит, крикает, квохчет, гогочет, не смущаясь дневным светилom, орут петухи, мяукают павлины.

С зари до зари Николай Иванович живет в ритме перпетуум-мобиле: кормит, поит, сортирует, согревает, проверяет кладки в гнездах и инкубаторах. И каждый день на белый свет из яиц проклеваются все новые желтенькие существа. Гусята почти сразу семейными группами идут на лужок к пруду, а тем, что вылупились в инкубаторе, Николай Иванович заменяет наседку: кому – красную лампу для обогрева, кому – водички, кому – травки зеленой. Недомоганье надо не проглядеть, от кошек, хорька и ворон уберечь. «Май – горячее время. И впрямь «портупей-мобиле», – улыбается Николай Иванович, присаживаясь на табуретку. Нажимает кнопку часов. «Двадцать три...» – говорит женский голос, сопровождаемый пением электронного петуха. Майский денек окончен.

Во всяком дворе непременно есть тайны. «Вот поглядите на эту крошку – два кулака в ней, не больше. Такая порода. И петушок ей под стать. Казалось бы, мир да любовь. Нет, нравится этой курочке петья в соседнем загоне. Петух-громила. И эта малютка украдкой бежит на свиданья. Противлюсь этому. Мне породе важно держать в чистоте. Но она старательно ищет щелку в ограде, а то и на крыльях к любимому...»

И петух-великан, и малютка – уроды, немалое отклонение от изначальной куриной породы, отклонение по прихоти человека-селекционера. Нет ли в тяготении друг к другу этих крайностей стремления природы вернуться к исходной жизнестойкой куриной форме?

Искусственным отбором выведены куры-несушки (кормят хозяина-птицевода). Но хорошо иметь во дворе и что-нибудь яркое, экзотическое: карликов, великанов, кур пятипалых, голенастых бойцовых, курочек с необычной расцветкой. Фантазией человека выведено четыреста разных пород. Но великолепная, с радужным оперением курица обычно плохая несушка, либо никудышная мать, либо болезням подвержена. Или вот ходят гуси. «Туляки», ближе всего стоящие к дикарям, жизнестойки, подвижны и плодовиты: десять яиц – десять гусят. А рядом в загоне – «холмогоры», весом едва ли не вдвое превосходящие «туляков». Красавцы – не оторвать глаз, степенность почти генеральская. Но «туляки» ходят возле пруда с птенцами, а эти бездетные – несутся плохо, и из восьми яиц в кладке только два оказались оплодотворенными.

Всякий изыск в селекции, приобретение каких-то особых качеств, сопровождается и потерей чего-то. Потому-то так важен прилив в любую породу «свежих кровей» – гене-

тического материала исходных диких пород. Это одинаково важно и для животных, и для растений.

Сиденье на кладке яиц – изнурительная работа. «Туляки», высидевшие гусят, как будто Освенцим прошли – бледные, тощие. Зато с потомством! А у некоторых пород гусыни – плохие наседки: могут яйцо повредить, надолго отлучиться от кладки. Но все же материнский инстинкт у них очень велик. Николай Иванович таких обманывает: забирает все яйца и несет в инкубатор, а гусыне тихонько «подсыпает» бросовые, неоплодотворенные. Когда в инкубаторе яйца начинают «стучать», Николай Иванович несет их в гнездо. Гусыня подмены не замечает – радостно приветствует появление малышей.

Первый шаг со двора.

И все же лучший инкубатор – гнездо с хорошей наседкой. И наибольшее прилежание сидеть в гнезде – у индюшек. Греть будут яйца любые – куриные, утиные, гусиные. Птицеводы эту слабость индюшек используют. В этом году Николай Иванович у всех индюшек забрал кладки и снес в инкубатор, а им подложил яйца диких гусей, уток и лебедей. Об этом просил Московский зоопарк, пруды которого в связи с ремонтом весной были сухи. Сидят индюшки! Не ведают, что собственное их потомство уже вылупилось, уже греет Николай Иванович индюшат под красными лампами, кормит с полочки, поит из плошек.

Из родителей самые ревностные – гуси. С выводком ходят гусак и гусыня. Мать не спускает с детворы глаз, а папаша, вытянув шею, шипит змеей и готов уцепиться за проходящего. Мы с Николаем Ивановичем проделали маленький опыт – подменили гусят. Заперли гусака и гусыню под крышу и, забрав малышей, пустили в загон других того же дня рождения. Не приняли! Гусят отшвырнули и так раскричались, что закудахтались куры и стали возбужденно орать петухи. На глазах у гусей «подкидышей» мы забрали. Никакого протеста! Но сколько радости было, когда из лукошка мы выпустили двенадцать их чад – гусыня от

счастливого возбуждения затопала лапами... По каким признакам угадывают гуси-родители малышей, для человека один от другого неотличимых?

Двор Николая Иваныча, конечно, не Ноев ковчег, но все же... Как уживается тут вся пернатая и непернатая братия? Чтобы предупредить ссоры и интимные внепородные связи, двор поделен на загончики. Свой загончик у каждой из двадцати пород декоративных кур. Свою «слободу» имеют во дворе гуси. Беспородные куры, индюшки, цесарки живут общежитием. Ссор не бывает. Но есть в этом таборе очаги притяжения. Коза, полученная Николаем Иванычем в дар, почему-то прибилась к индюшкам и пребывает в их обществе. Мускусные утки пренебрегают удобными для них гнездами-конурами и делают кладки под полом в овечьем загоне. Николай Иваныч беспокоился поначалу: не затопчут ли овцы утят? Нет, все до единого из подполья ежегодно выходят во двор.

Очень драчливы и очень ревнивы к появлению кого бы то ни было у гнезда канадские казарки. При мне казарка-отец напал на проходившего гуся холмогорской породы. Надо было видеть панику гусака-великана – убежал спотыкаясь. Вообще же гусь в смешанном таборе – персона авторитетная. Гусь всегда появляется с гордо поднятой головой, и никто (даже коза!) не посмеет его задирать.

А высший авторитет для всех во дворе пес Шерхан – овчарка кавказской породы. Пес похож на льва и ростом, и внешностью. А свирепостью, надо думать, и превосходит. Днем Шерхан взаперти и предается, как я заметил, тайным страстям – ловит от нечего делать мух. А ночью, закрутив все ворота проволокой, Николай Иваныч выпускает во двор Шерхана. Никого из обитателей двора он даже не подумает тронуть. Но чужому сюда лучше не приближаться.

Самым опасным врагом во дворе были бы крысы и мыши. Но их нет. Стоят повсюду мешки с зерном, в закутах – цыплята всех возрастов. Все это находится под опекой шести черных кошек. Они родились в гнездах индюшек и кур, знают все лазы и вылазы во дворе. Подозрительные к людям, с птицами кошки живут бок о бок. Мышей ходят ловить в поле, но не едят, а приносят и кладут во дворе. Две замечены в покушении на цыплят. Но прощены. «С такими потерями надо мириться, от крыс урон больше. Стараюсь надежнее малышей запереть. Но если пиратство не прекратится, приговор будет строгий».

Такой приговор вынесен был недавно воронам. Парочка их поселилась вблизи двора у пруда. Воровали яйца у кур и цесарок. Положит беспечная птица яичко под куст, ворона тут же в клюв его и была такова. Когда появились птенцы у ворон, птицы стали очень активными – в ход пошли яйца из кладок породистых кур. Унесут, сядут на землю вблизи гнезда, клювом высосут содержимое скорлупы и потом впрыскивают «яичницу» в оранжевые глотки своих птенцов. «Можно бы было махнуть рукой – вороны тоже живые твари. А нельзя – у породистых кур – золотые яички. Им строгий счет. Пришлось воронье гнездо разорить».

Николай Иванович Золотухин, живущий вблизи Подольска, не только грамотный птицевод-хозяйственник, но и страстный любитель домашних птиц, особенно кур и гусей. «Декоративные куры – изживенцы двора. От них ни яиц, ни мяса, ни пуха – одна красота. Но я охотно плачу своими трудами за радость их видеть».

И еще одна страсть птицевода – природная любознательность. Тут наши интересы сошлись, и три дня назад во дворе мы проделали эксперименты с гусями и всей птичьей братией сразу.

Как ведет себя двор, если вдруг пролетел ястреб? Считается, что с рождения птицы различают силуэт хищника. Длинная шея, короткий хвост – неопасная птица: гусь, утка, журавль. А короткая шея и длинный хвост – это коршун, ястреб, канюк. Из картона, по опыту орнитологов, вырезали мы силуэты и на шпагате между шестами протянули над птичником.

Действительно, «утка» не вызвала никакой реакции, а «ястреб» хотя паники не посеял, все же заставил кур отбежать под прикрытые стены.

И еще мы проверили давнюю байку о петухах, пьянеющих от склеванных ягод из винной настойки. Нужных ягод под рукой не случилось. Замочили мы в водке зерна пшеницы и кукурузы и накрошили в эту кашницу хлеба. Избранный для эксперимента Петро без колебаний и даже охотно клевал хмельной корм. Для верности Николай Иванович влил петуху в клюв пару наперстков водки. Настроив видеокамеру, стали мы ждать... Петух захмелел – раскрыл клюв, осоловело стал оглядывать окружающий мир, но ничего более не последовало, Петя только оцепенел – его можно было погладить по шелковой шее, потрогать за гребешок. Истошив терпение оператора передачи «В мире животных», Петя строевым шагом подошел к сосновой колоде, прыгнул на нее и, словно насмехаясь над нами, прошел туда и сюда не качнувшись.

Мы сели обедать, поглядывая в окно. Петух стоял на бревне в задумчивой позе. И когда уезжали, он только чуть-чуть подвинулся, вежливо уступая дорогу. Опьянения, при котором, как рассказывают, петухи лежат кверху лапами и можно их ощипать, не наблюдалось. Животные могут хмелеть так же, как люди. Но тут либо «выпито» было мало, либо очень был крепок петух на спиртное, либо рассказы о хмельных петухах не больше, чем байки.

• Фото автора. 17 мая 1996 г.

На костре жизни

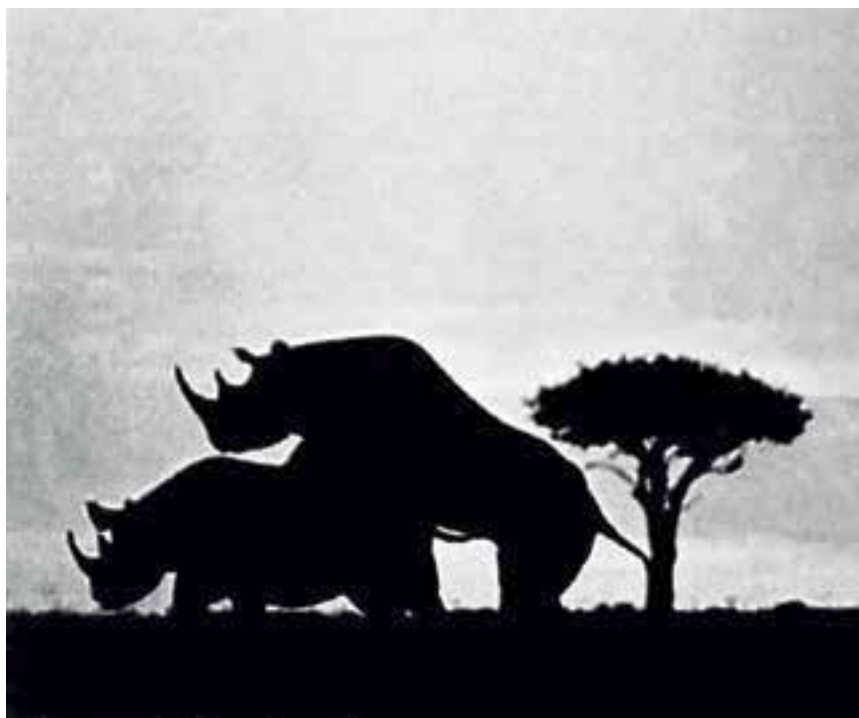
Окно в природу

На конном заводе мне рассказали. «Вон, видите, кобылица. Мы хотели в нужный момент свести ее с породистым жеребцом. Не получилось! Кобылица стала лягать жениха. И заржала. Откликнулся ей вон тот жеребчик. Невзрачный по сравнению с племенным породистым производителем. Однако именно он почему-то нравился кобылице. Заботы о племени в этот раз у нас не было. Решили дать волю возлюбленным. И надо было видеть, как трогательно они встретились... Вон, посмотрите, бегают их жеребенок...»

Мудрецы говорили: миром правят любовь и голод. Биолог сказал бы о том же иначе: два инстинкта, два врожденных чувства являются главными – утоление голода и в зрелом возрасте тяга к противоположному полу. И то и другое обеспечивает продление жизни.

Говорят иногда: «Любовь с первого взгляда». Существует она? Несомненно. Это мгновенная, неосознанная (инстинктивная) оценка объекта по внешним физическим данным. «Любовь слепа», – говорят о случаях, когда становится ясно, что выбор случаен, что партнер по моральным и другим каким-нибудь данным любви не заслуживает. Так у людей. А у животных? Оценка первым взглядом имеет те же мотивы в животном мире. Но можно думать, что там ошибок в этом выборе меньше, поскольку ума, таланта, моральных качеств в дикой природе у партнеров не ищут. Был бы крепок, статен, здоров. Эти качества птицы, например, демонстрируют в брачный период богатством красок в оперении (в этом всех превосходят райские птицы, павлины, турухтаны, тетерева). Показателем здоровья и силы для самки оленя и лося служат рога самцов. «Индикатор» этот надежный. Рога ежегодно сбрасываются. И если организм к новой брачной поре в состоянии израсходовать много жизненных сил, значит, потомство будет жизнеспособным. Но вот и другой с таким же убранством на голове. Кого предпочесть?

У многих животных в брачную пору проходят турниры между самцами, при которых внимательно наблюдающие самки видят сильного, обнаружат трусость или изъязны в поведении женихов. Самому достойному и отдают любовь обычно спокойно наблюдающие за ритуалом со стороны самки оленей, тетерки, глухарки.

Носороги.

Достоинства партнеров иногда выясняются не в драке, а в танцах (например, у журавлей), в демонстрации строительства гнезд, в сложном ритуале ухаживания, наконец в песне. Изумительное по красоте пение соловья – не только призыв самки, не только сигнал сопернику – «территория занята!», в этом пении, можно думать, закодирована и жизнеспособность певца. Самка, еще не видя самца, по песне делает выбор.

Можно привести много других примеров выявления жизненных сил и «серьезности намерений» в продолжении рода.

Австралийская птица шалашник оборудует специальную площадку любви, строит на ней нечто вроде беседки и украшает разноцветными камешками, ракушками, лепестками цветов. В других случаях самец должен показать умение строить жилище, способности добывать для птенцов корм. Страусы, у которых быстрый бег – основа жизненного успеха и выживания, кроме демонстрации пышного брачного оперения и победы в турнирах, должны показать еще и спринтерские способности. Самка стремительно убегает, а достойный любви должен ее догнать. Или присмотритесь к стрекозам. Летуны-виртуозы сладость любви постигают в парном полете. В нем проявляется пригодность для продолжения рода.

Ни у кого в природе эмоциональная окраска любви не может сравниться с переживаниями человека, окрыляющими его – «способен горы сдвинуть» – или заставляющими чувствовать себя несчастными. Имеется в виду именно любовь, а не то, что ныне принято называть сексом. Но не все одинаково в фантастически разнообразном мире животных. Мгновенье любви у мух мгновеньем и является. Молниеносный наскок, и парочка разлетелась. Лишены эмоций и скоротечные встречи кротов. Мрачно встретились, сделали предпринятое природой, мрачно и разошлись. Но послушайте, как трубят в болотных крепях весной журавли. Любовный крик одного подхватывается партнером – и до нашего уха ветер доносит слитный крик, песню любви торжествующей.

Глубокими переживаниями сопровождаются любовные перипетии гусей. В сложной социальной жизни гусиной стаи пары влюбленных чувствуют себя счастливыми. Гусак будет яростно защищать свою честь, будет стеречь подругу, пока гусыня сидит в гнезде,

будет вместе с нею воспитывать малышей. В случае гибели подруги или измены (тоже, увы, случается!) гусак страдает настолько, что теряет чувство самосохранения.

Очень трогательны отношения у влюбленных слонов. Парочка удаляется от сородичей и несколько недель проводит в уединении. «Он провел кончиком хобота у нее по спине, она тоже ответила ему нежным прикосновением», – пишет пристальный наблюдатель. Это начало любовной сюиты. Нежность и страсть нарастают тут постепенно. На какой-то день ухаживания наступает момент, когда слоны замирают друг против друга, подняв кверху сплетенные хоботы. Потом оба хобота превращаются в инструменты изощренной эротики. И это, пожалуй, самая бурная фаза любви. Заключительный акт кажется тихим, спокойным, коротким – одна минута. Он повторяется день за днем со все большими перерывами, и наступает момент, когда забеременевшая самка начинает партнеру показывать, что соскучилась по семье. Уход подруги слону не нравится, но воспротивиться он не может. Двадцать два месяца у слонихи длится беременность, потом несколько лет с помощью «тетушек» она воспитывает малыша. За это время слон не один раз находит себе новую пару и переживает с нею медовые дни. Не исключено, что самка, воспитав малыша, может встретиться с прежним возлюбленным, но, скорее всего, им станет кто-то другой. Таким образом, можно сказать, что слоны переживают до старости несколько глубоких и довольно длительных увлечений, которые без натяжки определяют словом «любовь».

Привязанность на всю жизнь (моногамия) в природе явление более редкое, чем полигамия. Многолетнюю привязанность друг к другу сохраняют волки, койоты, лисы. Волчица, определив избранника (иногда она помогает ему прикончить соперника), больше к себе уже никого не подпустит. Потомки волков собаки в этом смысле полная противоположность диким своим сородичам. За самкой собаки (сукой) во время течки вьется шлейф ухажеров, и каждый может рассчитывать на взаимность. Сохраняют верность друг другу пары у гусей, лебедей, бобров и, как ни странно, у некоторых рыб.

Есть в природе и сексуальная деспотия. Олени и жеребцы ревниво стерегут свои табунки самок. Морские котики, образовав гаремные группы на берегу, ведут себя, как султаны. Самочка, легкомысленно решившая прогуляться за дозволенную черту, будет силой водворена на место, и, если сосед-владыка заявит права на беглянку, возникают между секачами кровавые драки.

Особенный деспотизм царит в сообществе обезьян бабуинов. Альфа-самец тут не только является предводителем, но и «султаном», за которым сохраняется право спариться с любой самкой. Остальным же как повезет. Такие сообщества живут в большом напряжении. «Султан» все время должен силой подтверждать свою власть, а соплеменники ждут момента занять его место.

Пингвины.

Чтобы не происходило вавилонского столпотворения в сексуальных процессах, у каждого вида животных есть «опознавательные знаки» – облик тела, сигнальные пятна в оперении, в расцветке меха, песня, характерные запахи. Наконец, там, где путаница у близкородственных видов особенно вероятна, действует поведенческий код-пароль (как при встречах секретных агентов), один должен подать соответствующий знак, другой ответить строго определенным образом, за чем следует новый опознавательный знак. У некоторых животных это довольно сложный поведенческий шифр. Он дает возможность не только не спутать «своего» и «чужого», но и проверить психологическую устойчивость партнера, его полноценность в продолжении рода.

Важно сказать, в животном мире образование пар, половое сближение продиктовано только задачей воспроизводства себе подобных. Оно ограничено по времени и обуславливается готовностью самки к спариванию. В средних широтах любовный гон у разных животных проходит в разное время: у медведей – летом, у лосей и оленей – осенью. У лис и волков – в середине зимы, у зайцев – в самом ее конце, у мышей в поле страсти кипят под снегом всю зиму. Время года обусловлено разными сроками беременности у разных животных. Малыши должны появиться уже в бесснежное время и должны до новой зимы окрепнуть, а в некоторых случаях уже быть готовыми к самостоятельной жизни.

Есть случаи, когда фаза сексуальной восприимчивости у животных очень мала. В Америке обитает грызун поркупайн (древесный дикобраз). Самочка этого древоеда лишь одни (!) сутки в году способна к спариванию. Календарем этот день, разумеется, не отмечен. Идет созревание яйцеклетки. Этот процесс сопровождается физиологическими сигналами, к которым самочка поркупайна чутко прислушивается и ведет себя так, чтобы в нужные двадцать четыре часа оказался рядом колючий партнер. И он, наблюдая за поведением самки, всегда тут как тут. Если же партнера в нужный час в нужном месте и «во всеоружии» не оказалось – все, поезд ушел, потомства у этой самки не будет. Надо ждать еще год. Но такое случается, видимо, редко – поркупайны живут в Америке повсеместно вплоть до Аляски.

Улитки.

Сексуально восприимчивыми в любое время наряду с человеком называют еще обезьян гibbonов. Но половые отношения у этих голосистых обитателей леса Юго-Восточной Азии не беспорядочны. Гиббоны нежно привязаны друг к другу, ревнивы и находятся в ряду немногих животных, чьи чувства вполне можно определить как любовь.

В других случаях это слово кажется неуместным, настолько прозаической, упрощенной и грубоватой выглядит встреча самца и самки. Мы, однако, не все знаем об эмоциях, предшествующих этой минуте. Ведь и финальная близость в любви человеческой, если ее рассматривать обособленно от всего, что предшествует заключительной фазе, довольно близко стоит ко всему, что видим мы у животных.

В «спальню животных» человек заглядывал с тех времен, когда и сам был еще зверем. Любознательность в сочетании с растущей сообразительностью научила его коварно использовать брачное поведение птиц и зверей в охотничьих целях. Подражая призывному голосу самки или самца, он заманивал «потерявших головы» любовников в ловушки, подходил к ним на выстрел. Сами сцены любовных встреч наблюдал он, конечно, с большим интересом. Сегодня для биологов, занятых изучением поведения животных, половая их близость много дает для понимания общих законов жизни. Простейший и самый существенный вывод: для всех животных (и человека тоже) инстинкт продолжения рода – важнейший. Природа позаботилась, чтобы осечек в этом процессе было немного. С огромным избытком расходуется семя, все животные надежно приспособлены к соитию, и «умелость» в этом процессе врожденная, ей не учатся. Объект анекдотов – колючий ежик никаких затруднений в обладании самочкой не испытывает. Столь же результативны свидания черепах и закованных в броню хитина жуков. Самцы моржей и бобров в детородном органе имеют косточку. Совокупления с самками у них происходят в холодной воде, и природа позаботилась об их надежности.

В заключение надо сказать: у Природы пасынков нет, все у нее любимые чада. Заботясь о продолжении рода каждого существа, Природа близость двух разнополюх объектов награждает сладостной радостью. Без этого важного стимула костер многоликой жизни давно бы погас.

- **Фото из архива В. Пескова. 24 мая 1996 г.**

Живущий в крепости

Окно в природу

Первый раз я увидел его давным-давно. Усманским бором возвращался я под вечер на велосипеде домой. Лес был тих и спокоен. Укатанная дорожка несла как на крыльях. И вдруг почти прямо под колесо из кустов выкатился какой-то неуклюжий, мешковатый зверюга. Я бросил велосипед – и вдогонку, в надежде сфотографировать. Зверь бегуном был неважным и удирал, стараясь скрываться в желтеющих папоротниках. Но папоротники шевелились, и я верно держал направление. Казалось, вот-вот зверь выбежит на поляну и можно будет снимать. Ан нет! Мелькнув еще раз-другой в папоротниках, беглец вдруг исчез. Пошарив в зарослях, на склоне лесного овражка, я обнаружил нору. Лаз в нее отполирован был почти что до блеска. Ясно было, что зверь схоронился в норе, что бежал он сюда целенаправленно, напрямиком, и что зверем был упитанный к осени барсучок. Бежал он явно с усилием, пыхтел, и, если б не земляная крепость, я мог бы его как следует разглядеть.

Конечно, крепость я изучил, обнаружил в бугре еще четыре норы. Как разведчик, в книжечку тщательно записал я приметы, по которым барсучью крепость можно было бы отыскать. Домой ехал счастливым обладателем тайны: «Знаю, где живут барсуки».

* * *

Потом я видел барсуков много раз и на воле, и пойманными – в загонах и клетках. Занятный зверь! Тело – мешок мешком, голова с заостренной мордой, удобной внедряться под землю, когти на ногах длинные, приспособленные для рытья. Однажды дикий, пущенный в загон барсук у меня на глазах ушел в рыхлый песчаный грунт – как из шланга, летела земля из норы, потом барсук задом вытолкнул землю и притих в подземелье.

Схватка с лисицей.

Барсука всегда вы узнаете по слегка сплюснутой сверху вниз голове с двумя черными полосами от носа к ушам. Он никак не похож на куницу, соболя или хорька и уж тем более на ласку и горноста, хотя является им родней – семейство куньих.

И образ жизни у барсука отличен от всей родни. В нем нет проворства, и потому спасение ищет в убежище. Оно у этого землекопа всегда добротное. Выбирает для него барсук место укромное, тихое, но не всегда в глуши леса, частенько строит он крепость где-нибудь близко к опушке или даже в степном заросшем овраге. Свое присутствие барсук ничем не выдаст – тих, одинок, скрытен. Днем в крепости отсыпается, а в сумерках (в местах беспокойных – лишь ночью) выбирается на кормежку.

Когда сидишь у норы в ожидании выхода зверя, слышишь сначала характерный звук стряхивания земли с шерсти. Потом барсук покажет лишь нос из норы, приняхается и спрячется, потом высунет голову, иногда даже выскочит, но тут же спрячется в нору. Это проверка – нет ли вблизи опасности? Если опасности нет, барсук рысцой отправляется на охоту, удаляясь от норы иногда до пяти – семи километров. Но при угрозе чего-нибудь он устремляется к своей крепости, только в ней он чувствует себя в безопасности.

Подземное убежище барсука хорошо оборудовано: выходные лазы, норы запасных выходов, норы для вентиляции. В середине жилища – выложенная мхом, папоротником и сухими травами «опочивальня», где барсук спит днем и зимует.

Чистота, аккуратность – отличительные черты этого зверя. Перину в «опочивальне» он либо меняет, либо просушивает и проветривает, вынося из норы. Отхожее место у барсука – в стороне от жилища. Он роет ямку и по мере ее заполнения закапывает и роет новую. Этому правилу не следуют лисы, частенько поселяющиеся в крепости барсуков. Возле их лазов вонь, валяются кости, перья, помет. Чистюля барсук вынужден с этим мириться, оставляя лисам верхние горизонты жилища, а сам зарывается глубже, иногда пять метров от верхушки холма-цитатели. Барсучьи норы, не сильно в них углубляясь, используют зимой енотовидные собаки, дикобразы и даже волки, если барсучья крепость достаточно потаенна и если вблизи есть вода.

Образ жизни барсука сходен с жизнью нередкого его соседа – ежа. В сумерках выбируются они на охоту и могут шуршать листьями недалеко друг от друга. И пища их сходная, главное в ней – насекомые. Для барсука лакомство – осиные и шмелиные гнезда, поедает он также всяких жуков, но особенно любит откапывать их личинки, ловко выуживает из земли дождевых червяков, собирает слизней, ловит лягушек и ящериц, поедает содержимое мышиных и птичьих гнезд, так же как еж, не брезгует змеями и ужами. (От яда барсука предохраняют щетинистый мех и жир под кожей.)

Соблазнится барсук и падалью, роет корни трав, ест желуди, наткнувшись на бахчу, барсук будет сюда охотно наведываться, предпочитая поедать дыни.

Как ведет себя барсук, застигнутый в стороне от убежища? В первую очередь он к убежищу попытается прорваться, а если не получилось, то примет бой. Неповоротливый с виду, он в мгновение ока оборачивает к противнику хорошо вооруженную пасть, а в смелости и решительности барсука можно сравнить с родственником его – соболем. Если силы неравные, барсук, как опоссум или енотовидная собака, может прикинуться мертвым, терпеливо сносит удары, укусы, но, выбрав момент, вскочит и убежит – что есть мочи побежит к своей крепости. Тут неуязвим он для всех, исключая, конечно, людей.

Зимой барсуки спят. Но не так, как сурки, у которых намного снижаются все жизненные процессы (спячка), а как медведи (сон). В морозы сон крепок, а в оттепель барсук даже может вылезти из норы, потоптаться и поесть снега.

На зиму барсук запасается жиром – вес его к осени удваивается. Но кое-что приносит зверь и в свои кладовые – вяленых лягушек, всякие корешки. Это запас не на зиму,

а на весну, когда барсук вылезет из подземелья тощий, как щепка, а попастьись негде – снег еще не сошел.

Живут барсуки десять – двенадцать лет.

* * *

Если барсуков не тревожить, они крепко держатся мест обитания, расширяют и расширяют свое хозяйство, образуя целые подземные городки – протяженность нор достигает иногда двухсот метров. Один из таких городков наблюдал я в Дарвинском заповеднике, на побережье Рыбинского водохранилища.

В этих местах близ поймы реки Мологи полтора столетия для выплавки железа и сельских кузниц производили древесный уголь. Уголь «жгли» в земляных ямах с насыпными краями, и от этого образовалось примерно две тысячи бугров. На водохранилище они возвышаются маленькими, поросшими деревьями островами, на заболоченной суше, по мелколесью они тоже выглядят островками добротного древостоя.

Редко бывает, чтобы результат человеческой деятельности на природе сказался бы плодотворно. «Угольные ямы» на вологодской и ярославской земле – такой редкий случай. Сухие бугры на болотистых землях привлекают многих животных. На буграх в берлоги ложатся медведи, роют норы лисы, делают логова волки, находят приют енотовидные собаки. И благоденствуют тут барсуки, для них сухой, рыхловатый бугор – наилучшее место для строительства крепостей.

Из некоторых ям уголь почему-то не выбрали или выбрали, но не полностью. И звери порою из логова вылезают черные, как трубочисты.

С ученым заповедника Андреем Кузнецовым мы отыскиали бугор, давно облюбованный барсуками. Это был целый барсучий город. Мы насчитали в нем двадцать шесть нор, утрамбованную площадку для солнечных ванн, во все стороны от бугра уходили незаросшие тропы, по которым многие поколения барсуков уходили по ночам на охоту и под утро возвращались с нее. На тропах вороненой синью поблескивал непереваренный хитин жуков, валялись лапки лягушек.

В крепости явно жили и лисы – белели обглоданные кости, зеленели перышки селезня. Мы заглядывали в норы, хлопали ладонями по утрамбованным лазам. Кто-то там под землей все это слышал и терпеливо ждал окончания беспокойства, уверенный: земляная крепость надежна.

Барсучьи городки служат животным десятки и сотни лет. А недавно, кажется где-то в Германии, сделав углеродный анализ, зоологи определили: барсучьему поселению более тысячи лет. И оно по-прежнему обитаемо! Сколько человеческих селений сметено временем, сколько всяких перемен на земле. А поколения барсуков живут-поживают в счастливо выбранном месте, где их никто и ничто не тревожит. «Нехило!» – скажет кое-кто из читателей. Да, долговечность барсучьей крепости впечатляет. Но вообще-то барсуков на земле осталось немного. Нет таких крепостей у природы, которые человек не умел бы разрушить.

• Фото из архива В. Пескова. 7 июня 1996 г.

Умолкающий невидимка

Окно в природу

Слышали его многие, но мало кто видел. Для меня с детства он был самой загадочной птицей. Каждый вечер за гумном, в травах слышались странные крики: «Крэкс! Крэкс!» И не в одном месте. Переключка продолжалась до ночи и была, как и петушиные крики, частью деревенской жизни. Конечно, хотелось узнать – кто это прячется в травах и не боится подавать голос? Я крался, и казалось, вот-вот кто-то из травы вылетит. Иногда птица кричала в каких-нибудь пяти шагах. Я бросался в нужное место, но никто не взлетал. А крик минут через пять раздавался из другой, тоже недалей, точки.

Мне рассказали, что это коростель, что он бегаёт, а не летает и что даже на зимовку на юг «он ходит пешком». От этих рассказов интерес к таинственной птице рос. Но увидел коростеля я лишь в Подмосковье. Нехитрой тактикой птицу все же можно заставить взлететь. Вдвоем, заметив место, откуда, как вызов, доносится «Крэкс! Крэкс», надо бежать в эту точку навстречу друг другу, и птица взлетает. Хорошо рассмотреть ее не удастся. Летит низко, неуверенно, как бы нехотя. И скоро опускается в травы. Запоминаются рыжевато-красные крылья и свисающие вниз ноги.

Но однажды я все же увидел коростеля и на земле. На открытое место возле пруда из-под ног у меня покатались пушистые черные шарики. Птенцы. Но чьи? Трех я поймал. Их писк на ладони заставил мать выбежать из травы на открытое место. Она старательно привлекала к себе внимание обычным для птиц приемом – прикинулась раненой. Короткое, сероватое, хорошо заостренное копыце с крыльями! Крылья висели, как подбитые, и были сверху рыжеватого-красного цвета. Это была коростель-мама. Я пощадил ее, спешно отпустив с ладони подвижных, как ртуть, птенцов, и заросли сразу же скрыли неосторожно оказавшуюся на открытом месте семейку.

Дома я стал листать книги с желаньем узнать подробности жизни таинственной невидимой птицы. Увы, в большинстве специальных книг коростель не упоминался, а если все же обойти его было нельзя, то говорилось о птице кратко одно и то же: живет в луговых травах – «шныряет в них, как шильце», в гнезде – до двенадцати птенцов, взлетает лишь в крайних случаях, но вопреки распространенному мнению на зимовку на юг добирается все-таки не пешком.

Малые знания о голосистом луговом крикуне вполне объяснимы. Он очень редко кому попадает на глаза. Проследить за его жизнью непросто. Старина Брем в десяти томах своих замечательных наблюдений отвел страничку и коростелю. Но рассказал главным образом о наблюдениях за птицей в неволе. По Брему, коростель покладист, хорошо приручается. Но, посаженный в клетку с другими птицами, он показал себя не только заносчивым драчуном, но и охотником. Мелких птиц он ловко убивал долотом-клювом и поедая жертву, из чего Брем сделал вывод, что в природе коростель поедает не только семена трав, насекомых и слизняков – в травяных джунглях он при случае опустошает и гнезда птиц.

Стихия коростеля – мокрый луг.

А на днях получаю пакет с письмами и картинками, посвященными коростелю. Союз охраны птиц России объявил коростеля «птицей 1996 года».

Дело в том, что в странах Европы некогда многочисленная голосистая птица катастрофически исчезает. За последние двадцать лет ее численность сократилась в десятки раз. Взят на учет сейчас едва ли не каждый голос коростеля. Во Франции птиц осталось не более тысячи пар, в Германии – 260 пар, в Великобритании – 487. (Обратите внимание на скрупулезность учета.) В Испании насчитали пятнадцать пар, в Дании – десять. Это катастрофа. Коростель исчезает. Причина – интенсификация сельского хозяйства: птицы гибнут от сенокосилок и косвенно от применения химикатов.

И взоры свои орнитологи обратили к России. Тут по разным причинам положение птицы не столь бедственное. По своим наблюдениям скажу: в предвоенные и послевоенные годы птица жила повсеместно. В 1953 году я с одной точки насчитывал до десяти – двенадцати криков. В особо благоприятных условиях (пойменные луга на Оке) в мае, пишут, «стон стоял» от коростелей – с одной точки насчитывали до сотни их голосов.

Звук – основное средство коммуникаций коростелей. Звуком обозначается территория птицы в травах. По голосу коростели знают друг друга. Можно думать, что в голосе птицы закодированы характеристики, помогающие самкам идти не на всякий призывный крик, а выбирать «суженого». Соперничество между самцами большое – «Я тут, территория занята!». Этим и объясняются непрерывные переклички.

Магнитофон оказался надежным средством проследить жизнь скрытной птицы. Транслируя звук «чужака», можно заставить всех коростелей на участке немедленно встрепетаться. Тот, чья территория подверглась «экспансии», бежит выяснять отношения.

Не понимая, в чем дело, забирается на магнитофон, потом отлетает и начинает наступать на него с криками «с тыла». Но довольно скоро коростели устают реагировать на голос магнитофонного соперника и как бы мирятся с его присутствием.

При возможности подманить птицу нетрудно ее и поймать, как следует рассмотреть. Коростель формой похож на дрозда, но крупнее. Тело его исключительно приспособлено для быстрого передвижения в травах. Оно сильно плющено с боков и представляет собой челнок, легко раздвигающий стебли растений. Опустив голову и приняв как бы горизонтальное положение, птица движется с большой скоростью, причем так, что трава не качается. Брем пишет о ходах-тоннелях в траве, что весьма вероятно – у всех животных на своей территории есть излюбленные пути и убежища.

При появлении хищника (болотного луны, например) птица способна делать фигуры высшего пилотажа, однако неизменно стремится возможно скорее опуститься в траву. В ней она чувствует себя в безопасности.

На зимовку в Африку коростели направляются, конечно, на крыльях. Летят начиная с середины августа в одиночку, а у Черного моря образуют, как и перепела, «высыпки» до сотни голов. Вместе кормятся – нагуливают жир для перелета над водным пространством.

Самочка и самец по виду схожи. До сих пор не решен спор – моногамы они (однолюбы) либо страсти самцов продолжают кипеть, когда подруга уже сидит на гнезде? Интенсивные крики до половины июля, возможно, подтверждают «неверность» коростелей. Между тем две самочки могут класть яйца в одно гнездо.

Коростель-мать очень заботлива. Алексей говорит, что с гнезда ее иногда можно взять руками. А мой друг Сергей Кулигин на Оке однажды подползал с фотокамерой к куртине травы, оставленной косцами, – в ней было гнездо коростеля. Сидевшая на яйцах птица не убежала, а вытянув шею, стала шипеть, изображая змею.

Сейчас в лугах матери водят, воспитывают быстро взрослеющих малышей. На зимовку они улетят порознь. А в начале нового лета мы сможем услышать их крики.

Крик коростеля песней не назовешь. Но, так же как крик кукушки и крики перепелов, он радует человека. Три эти птицы являются символами природных зон. Перепела – это поле, кукушка – лес, а коростель – луг. «Крэкс, крэкс!» – знакомая деревенская музыка.

• Фото из архива В. Пескова. 26 июля 1996 г.

Кто как уходит...

Окно в природу

Смертно все, что живет. Этот закон никому никогда не удалось обойти. Перед ним равны и царственный владыка, и свинопас, и исполинские великаны морей – киты, и малые мыши, и то, что даже и глазу не видно. Все рождается, отцветает и умирает.

Для человеческого сознания этот конец драматичен. И неслучайно все религии мира сулят надежды житья «по ту сторону». Увы, это лишь утешенье. В Венеции, во Дворце дожей, я видел самое большое в мире живописное полотно «Воскресение из мертвых». Неисчислимо количество людей выходит из моря. У редкого человека перед этой картиной не возникнет вопрос: «А что же они будут на Земле делать, эти воскресшие?»

Нашим братьям по жизни – животным – человеческие муки «зачем живу?» неведомы. Они «просто живут». Инстинкт сохранения жизни и притертость, приспособленность к ней помогают и слону, и козлявке до последнего вздоха за жизнь бороться.

* * *

Как животные умирают? Редкий, особый, экзотический случай – на этом снимке. Коррида. Повержен сильный, выращенный на богатых горных лугах бычок. Его и растили, чтобы вот так на большом стадионе нарядный, осыпанный блестками человек пронзил быка шпагой. Человек рисковал. Тем слаще победа, тем громче гул стадиона. Зрелище наших дней, заставляющее вспомнить арены Древнего Рима. Одни это зрелище осуждают, другими оно воспето (Хемингуэй).

Коррида – визитная карточка Испании. А вот в Индии это зрелище совершенно немыслимо. Корова – существо там священное. И ко всему живому отношение в Индии благоговейное. Большинство индийцев – вегетарианцы. И есть еще почти курьезные крайности – боязнь нечаянно раздавить какого-нибудь комара.

Во всех других местах мира этой причуде лишь улыбаются. В животноводстве и птицеводстве смерть от ножа или (как более гуманная) от электрического тока – естественный конец для домашних пернатых и четвероногих. Судьба их определена с рождения.

Иное дело в дикой природе. Тут на каждого «карася» есть своя «щука». Но «карасю» даны шансы выжить. В вечном противостоянии «хищник – жертва» каждый действует на пределе возможностей и может выиграть, потому закон «волки сыты и овцы целы» тут выглядит вовсе не шуткой.

Кое-кто думает: зоопарк укорачивает жизнь животных. Ничуть не бывало! В зоопарке звери и птицы живут намного дольше, чем в дикой природе. Жизненные силы не расходуются на борьбу за существование – стол и дом тут дарованные. И никто не схватит тебя, когда силы станут слабеть. В природе же «выбраковка» ослабших идет постоянно. Хищник, вспугнувший стаю газелей или, например, куропаток, очень точно определяет, кого он скорее всего догонит. Таким образом, в природе глубокая старость редка – всех задолго до одряхления настигают когти и зубы.

Исключение составляют самые сильные из зверей. В африканской саванне я видел умиравшего льва. Глаза у зверя слезились, он с трудом поворачивал голову. Охотиться лев не мог и уже не мог себя защитить. Вокруг вчерашнего властелина шныряли шакалы – те, кого он

всегда презирал за трусость и воровство. Теперь они чувствовали слабость владыки степей, близился час, когда они станут его могильщиками.

Главный момент корриды.

Инвалид в дикой природе почти всегда обречен. Я как-то с неделю наблюдал в парке за одноногой вороной. Летала она хорошо, но, опускаясь на землю, сразу чувствовала беспомощность – садилась так, чтобы боком опереться на что-нибудь. В толчее стаи ей, конечно, мало что доставалось из пищи. Потеряв осторожность, она вынужденно оставалась на месте, когда все остальные взлетали. Я подходил к ней почти что вплотную и не удивился, когда однажды в привычном месте увидел кучку вороньих перьев – то ли куница, то ли одичавшая кошка или собака произвели «выбраковку».

Иногда жизнь животного запрограммирована по сезонным срокам. Понаблюдайте осенью за стрекозами и шмелями. Стрекозы в поисках тепла собираются на какой-нибудь прогретой солнцем железке – брошенном у воды колесе, поручне мостика. А шмелей вы увидите цепенеющими на поздних цветах. Подышишь – шмель оживает: шевелится и даже может перелететь на соседний цветок. Но это уже агония. Шмели и стрекозы с наступлением холодов погибают.

* * *

Животное, так же как человек, может стать жертвой несчастного случая. У меня есть снимок жирафа, голову которого заклинило между ветками. В такое же положение нередко попадают в Сибири вертлявые, подвижные бурундуки. В малоснежные и морозные зимы нередко гибнут зимующие ежи, лягушки и змеи. Киты на Севере могут оказаться в ледовом плену. За свежим воздухом им надо вынырнуть – а как? Но и большая жара для животных губительна. Летом 1972 года в реках погибло много налимов, не выносящих высокой температуры воды. Высокие паводки бывают губительны для животных. И даже простая неосторожность, неосмотрительность может оказаться для них роковой. На Оке против города Пущино мы однажды спасали косуль, проломивших подтаявший лед. Трех спасли, а двух утянуло течением.

Тысячи лет животные испытывают постоянный пресс человека-охотника. Человеческий облик и запах занесены в генетическую память многих животных как большая опасность. Наиболее сообразительные животные научились с подозрением относиться к ловушкам, поставленным человеком. Довольно быстро птицы поняли предел досягаемости заряда дробового ружья. И сегодня число животных катастрофически сокращается не столько охотниками, сколько хозяйственной деятельностью человека с его новыми технологиями, разрушающими среду обитания.

Гибельными для очень многих животных оказались дороги (столкновения с автомобилем). Огромное число орлов и аистов гибнут на опорах высоковольтных линий.

Что могут животные противопоставить этим повсеместным опасностям? Ничего! Миллионнолетний опыт их жизни в этих случаях не спасает. Умирают они иногда массами, иногда в одиночку, не понимая, отчего умирают. Человек сердобольно, в меру сил, пытается их выручать, но редкие случаи их спасения – лишь усыпление нашей совести.

* * *

Как животные воспринимают смерть как таковую? Понимают они меру опасности для жизни? Действует ли на их чувства гибель товарища? На первый вопрос ответ может быть утвердительный: понимают и часто используют поражающие человека способности предвидеть опасность и спастись в, казалось бы, безвыходных положениях. Что касается чувств, то человеческие мерки тут неприемлемы. Для большинства животных гибель товарища – это в первую очередь знак опасности: надо спасать свою шкуру. (Особо стоит ярость матери, иногда готовой жертвовать жизнью при опасности для детенышей.) Медведи, кабаны, волки, как только опасность минует, сожрут оплошавшего сотоварища.

Для человека смерть другого человека, помимо скорби о ближнем, – напоминание о том, что и ты тоже смертен. Животным такие переживания неведомы. Но запах крови и бездыханность только что стоявшего рядом товарища некоторых все же волнует. С детства помню картину. На лугу молния убила корову. Пастух прирезал ее. До сих пор перед глазами у меня стадо – коровы собрались в круг с опущенными головами, они мычали, глаза налились у них кровью. Еще более впечатляющее зрелище описывают свидетели смерти в группе слонов. «Слоны встали в круг, поочередно ощупывали упавшего хоботами, пытались поднять и, когда поняли тщетность усилий, не разошлись, а молчаливо топтались рядом почти двое суток. Все кончилось тем, что слоны забросали погибшего ветками и только потом тихо, не спеша удалились».

Твердо можно сказать: среди животных нет самоубийств. У человека счеты с жизнью есть акт сознания. Животные сознания не имеют. За жизнь они борются до последнего. Бро-

сающийся с высоты на землю лебедь – не более чем легенда. «Самоубийства» китов, о которых время от времени пишут, – еще не разгаданная тайна, связанная, видимо, с «поломкой» тонкого, чувствительного механизма ориентации.

Но некоторым животным свойственны глубокие переживания при утрате партнера. (Это особенно хорошо прослежено у гусей.) Случается даже гибель таких осиротевших животных – гусь, например, разбился о провод электролинии, не уберегся от зубов хищника. Но это не сознательный уход из жизни, это притупление, подавленность чувства самосохранения. Свойственное и людям тоже.

- Фото из архива В. Пескова. 16 августа 1996 г.

Год не видались...

Таежный тупик

Да, без малого год... Прошлую осень прилетели как раз к уборке картошки. В этот раз ботва у картошки еще зеленеет. Зеленеют под пленкой перезревшие огурцы и недозревшие помидоры. Как на Кубани летом, цветут в огороде Агафьи подсолнухи. Они тут не вызревают. «Зато радость от них...» – улыбается огородница и спешит показать нам что-то укрытое одеялом. В теплом шалашике – чуть побуревшие тыквы.

– Да ты, Агафья, мичуринец.

– Это же такое – мичуринец? – поднимает огородница брови, чутьем понимая: какая-то похвала...

Рожь в огороде сжата, но зеленеет еще овес, посеянный тут для кур, синеют бобы и капуста, бушует зелень морковки, редьки. Но осень уже подкралась к таежному огороду. Уже пятнами по зеленому лесу расцвечен желтым и красным, уже по-осеннему от дождей набухла, шумит река, а вершины гор побелели.

Днем тепло. Вертолет, высадив нас, немедленно улетел по таежным делам. Счастливый случай: он может сюда вернуться через два дня. Это значит, можно как следует оглядеться, спокойно поговорить, походить, заночевать у Агафьи под крышей.

Синий дым от костра отчетливо выделяет самую первую тут избушку – крошечную избушку (не хватает лишь курьих ножек). Очень маленькая – два метра на два. С огорода, идущего в гору, кажется: можно избушку поднять, как коробочку. Это жилье-зимовье сладил из остатков лыковской довоенной избы охотник. Агафья, рожденная пятьдесят один год назад, пальчиками, возможно, касалась прокопченных бревен. Николай Николаевич Савушкин, сам полжизни проведенный в лесах, увидев Агафью с отцом возле этой избушки и узнав, что в ней они намерены зимовать, написал мне в Москву. «Они там замерзнут. Попытаемся до морозов построить что-нибудь потеплее и попрочнее». Успели построить. Но в спешке не все получилось как надо. Пришлось вскоре срубить еще одну хижину...

У костра Николай Николаевич Савушкин, Агафья и художник Сергей.

Сегодня «жилая точка» в горах напоминает усадьбу: три хижины, козлятник, курятник, изгороди, склад муки и крупы на столбах, оборудованная тропка к реке, огород...

Главная резиденция Агафьи совсем не похожа на прокопченную, вросшую в землю избушку, где прошли три четверти ее жизни. Нынешняя изба просторна и чиста настолько, что можно постлать половики, повесить занавески на окна. На постели – не куча тряпок, а одеяло, подушка. Пахнет печеным хлебом, рыбной похлебкой. Рядком стоит на полке вымытая посуда, висит на стенке барометр. И тикают сразу несколько часов – настенные, карманные и два будильника. Время на всех разное. В соседней избушке живет сейчас пришлый бородатый художник. У него есть приемник – время можно «править» по радио. Но такому способу Агафья не вполне доверяет. Считает, надежней, богоугодней спрашивать время у летчиков. И в этот раз она перво-наперво подкрутила будильник, а потом уж предстала пред нами с обычной, равной для всех улыбкой гостеприимства.

Одета, как всегда, в самодельный «кафтан», на голове – привычные два платка, повязка, как у моджахедов, – знак: находилась в замужестве. Обувка в этот раз необычная. Резиновые сапоги Агафья модернизировала – обрезала голенища и вместо холодной жесткой резины пришила к головкам мягкую, удобную для ходьбы сыромятную кожу от прежней обуви. Мы обращаем на это внимание, как обычно, хвалим находчивость, и это (слаб человек!) Агафье слышать приятно.

Обычный при свидании разговор о здоровье, о новостях, об огороде. Вылавливаю несколько новых словечек в речи Агафьи: «изолента», «кофий», «конфетки», «колорадский жук», «Чечня».

«Политинформацию» тут проводит Сергей-художник, и кое-что еще о Чечне Агафья проведала, когда летом была на Горячих ключах. Вздыхает: «Маменька говорила: в миру много, много греха...»

Главный вопрос в разговоре – продовольственно-энергетический. Летом я получил от Агафьи письмо с деликатной просьбой: «Если приедешь, то хорошо бы – свечи и батарейки...» Такое же письмо получил Николай Николаевич Савушкин и уже летом с оказией

переправил сюда свечи и батарейки, сено для коз, пять мешков комбикорма, четыре мешка муки и крупы. Сейчас мы тоже привезли свечи и батарейки и гостинец от «Комсомольской правды» – муку, крупу, комбикорм, яблоки для сушки на зиму, лук, сливы, дыни, арбуз. Кроме того, Николай Николаевич привез большой ящик посуды, лекарства.

Накрапывает дождик, и проблема – что делать с мешками? Лабаз на сваях забит до отказа, внизу под пленкой – еще гора мешков. Привезенное художник Сергей частично прячет под пленку, частично, поругивая мышей, собирается перенести под крышу.

Словом, зима ни энергетическим, ни продовольственным кризисом в «усадьбе» никому не грозит. Не уродился в этом году кедровый орех, зато в огороде всего – под завязку. Картошки будет ведер четыреста, много морковки, редька, горох, насолила и насушила Агафья грибов, малины, черники. В стеклянной (!) банке стоит брусника. (Я поставил восклицательный знак рядом со словом «стеклянной», вспомнив, как Агафья не хотела взять мед в такой же посуде.)

Оглядевшись и закусив жаренной Сергеем рыбой, беседуем и выясняем: таежную обитель летом посетил Ерофей Сазонтьевич Седов. Я писал уже: Ерофей, много лет проработавший в этих местах и бескорыстно Лыковым помогавший, в прошлом году лишился ноги. Протез, костыли, мучительное приспособление к резко изменившейся жизни... Экзамен себе на выносливость и терпенье Ерофей устроил в духе характера своего – в Таштаголе упросил вертолетчиков «подбросить» его в Тупик. И предстал пред Агафьей на костылях. Агафья всплеснула руками, увидев некогда сильного, как медведь, Ерофея «на палках». Поохала, повздыхала. И села рассказывать о своих болячках.

Кончилось дело тем, что Ерофей остался тут «на хозяйстве», Агафью же вертолет «подбросил» на Горячие ключи.

(Одиссея самоутверждения Ерофея окончилась благополучно – вернулся домой ободренным, повеселевшим, что и было доложено в письмах нам с Николаем Николаевичем.)

Еще один «квартирант» Агафьи появился тут с вертолетной оказией по весне. Пожил немного во «флигеле» и удалился в свой Харьков. Но летом появился снова. И как! – пешим ходом от Телецкого озера. Сто семьдесят километров по тропке, «которую не столько видел, сколько, как звери, чувствовал». Ночевал под кедрами без палатки. Видавшие виды туристы, встретив его где-то на полпути, не поверили, что идет он один. А когда поверили, стали уговаривать: «Вернись – погибнешь!» Он не погиб и через десять дней пути появился в усадьбе – «Здравствуйте, это я!».

Фамилия пилигрима – Усик. Кормился (а также построил в Харькове дом и накопил денег на неблизкое путешествие) работой по камню – высекал надписи и портреты умерших на кладбищенских плитах. Что ищет в тайге, пожалуй, не знает и сам. Но трезв, не глуп, не ленив – помогает Агафье ловить-солить рыбу, взялся за баню. (До него об этом многие лишь говорили.) К Агафье почтителен, обращается: «Агафья Карповна...» Агафью, по мнению которой безбородые мужики – грешники, покорила своей бородой. «Помогу ей вырыть картошку. А если каким-нибудь чудом сюда придут краски из Харькова, то, пожалуй, и зазиму».

Еще два жителя Тупика ускользнули отсюда на вертолете, с которым мы прилетели...

Летом Агафья глухо мне написала: живут-де двое – мать с дочерью, пожелали «навек поселиться». Агафья их окрестила, но по тону письма я понял: союз непрочен.

Так и было. По нескольким фразам, сказанным женщиной во время знакомства, когда прилетели, я понял: этого вертолета тут ждали, как ждут дождя в засуху... И уже Агафья с Сергеем поведали мне историю, поразительно похожую на все, что тут уже было.

В нынешней раздрызганной жизни все ищут убежища. Некоторым кажется: спасение там, у Агафьи. Не берусь сказать, на сколько писем пришлось ответить, объясняя людям их заблуждения. И в газете не раз мы писали о невозможности прижиться тут человеку «из

мира». И почему – объясняли. Советовалась с кем или нет Галина Николаевна Д., но решила: спасение – у Агафьи. Из Астрахани через Бийск с тринадцатилетней дочерью добралась она в нужное место, уговорила летчиков взять ее. И появилась тут с намерением «жить всегда».

Выдержав испытательный срок, Агафья «отроковицу» с матерью окрестила, дав им новые имена: Мария и Анастасья. Совместная жизнь предполагает тут пользование общей посудой, что является важным для всякого старовера, особенно для Агафьи, и, самое главное, был принят запрет на «мирскую еду». А каково тринадцатилетней девчонке отказаться от конфетки, от слушанья магнитофона! На Горячих ключах отроковица совершила «грехопадение» – съела данную кем-то конфетку, чем вызвала гнев Агафьи, абсолютно уверенной, как надо жить, чтобы заслужить царствие небесное. Когда вернулись в Тупик, отношения приняли напряженный характер. Все терпевшая мать молчала, а девчонка дерзко сказала: «Если кто-нибудь даст мне сахар или конфетку, я опять съем!» Это был бунт. И Агафья ответила тоже бунтом. «Вы измиршились! (то есть осквернились, согрешили, поддались мирским соблазнам) – посуду придется теперь выкинуть. А я уйду в курятник!»

И ушла. В курятнике готовила себе еду. И только лишь спать приходила в «горницу».

Легко представить, что пережили обе стороны этого обычного тут конфликта и каково напряжение было в замкнутом, как на космическом корабле, пространстве. Два месяца все трое ждали какого-нибудь случайного вертолета. Когда послышался его грохот, новокрещенные Анастасья с Марией бросились с горки вниз с узелками, как две лани в открывшиеся вдруг ворота.

– Может, еще вернутся, – для формы, для приличия обронила Агафья. Она и сама вряд ли хочет житья с «отступниками». Размышляет сейчас, что делать с посудой – отдать для пользования «мирским», например нам с Николаем Николаевичем, либо выкинуть как поганую.

Ночевали мы в «горнице» у Агафьи в спальных мешках на полу. Заметили: молится наша подопечная меньше, чем прежде, предпочитает больше поговорить. Ночью во сне несколько раз стонала.

А проснулись мы с Николаем Николаевичем от ее негромкого смеха. Огляделись: на мешках наших резвится рыжая кошка с котятками. Оказалось, честная компания ночью наши мешки окропила и вины за это не чувствовала. «Они все время тут ссуца», – сказала Агафья. Но самое интересное мы узнали чуть позже. В приоткрытую дверь крадучись, явно опасаясь новых людей, шмыгнул диковатого вида серый котик с мышью в зубах. Он бросил семье добычу и пулей скрылся в зарослях огорода. Агафья нам объяснила: с котятками в доме нянчится не кошка, а кот. Серая кошка-мама, как только бросила кормить выводок молоком, предпочла возне с малышами охоту в тайге. Там все время и пропадает, принося семейству добычу.

Обсуждая эту историю, мы сели у костерка, и разговор пошел о том, что бегают и летает тут во дворе и что близко подходит ко двору из тайги. Кое-что мы могли тут же и наблюдать. Близко к костру у грядки с бобами опустился, как нам показалось сначала, ястреб-тетеревятник. Оказалось – кукушка! Агафья, чтобы развеять сомнения, изобразила характерные звуки, какие слышит весной... Потом на обломок кедра опустился дятел-желна. Под его кузнечную музыку мы говорили о козах, курах, о собаке, которая радостно тявкала, как только слышала слово «Пестряк».

Пестряк (белое с черным) служил охотнику, но оказал опасную трусость – при встрече с медведем не задержал зверя, а бросился к хозяину, обняв его лапами. Такого «помощника» никто в тайге рядом с собою держать не будет. И пестрый выродок лайки был Агафье оставлен в подарок. Любопытно, что он не рвался вслед за охотником, сообразил: спокойная жизнь у Агафьи предпочтительней интересной, но опасной жизни в тайге.

При нас Агафья доила коз, объясняя, что одна из них зимой заболела. «Кашляла. Я стала ее лечить...» Любопытно, что не травами, висящими пучками под крышей, пользовала Агафья свою пациентку. «Лечила козу баралгином, тройчаткой, ампинозолином...» Мы, трое мужиков «из мира», с изумлением слушали четкое перечисление знакомых и незнакомых названий и переглядывались. Лет десять назад о таблетках Агафья не желала и слышать, замаливала каждую, если приходилось все-таки проглотить. Теперь вот вера в таблетки.

Коза поправилась. Но от болезни, а может быть, от лекарств козленка родила мертвого. Сейчас у Агафьи три козы, козел и одно просто ангельское существо, баловень хозяйки – белый козленочек.

Кур тут было пятнадцать. Мы привезли еще трех. И с интересом наблюдали кратковременную драку в загоне. Три рослых новосела сразу заняли первые места в иерархии и вместе со старожилами кинулись клевать мешанку из зерна и мелко рубленной крапивы.

Жизнь таежная соприкасается со двором постоянно. Одолевают мыши, привлеченные запасом зерна и крупы. Кошки явно не справляются с превосходящими силами мелкоты – Агафья, как это делали прежде семьей, ставит ловушки-давилки.

Зайцы украдкой наведываются в огород – погрызть капусты. Одного Ерофей подстрелил. «Жарил зайчатину. Когда ел – меня чуть не вырвало...» По принятому Лыковыми уставу «зверя с лапой» (например, медведя, зайца, лису) есть нельзя. Только если с копытом...

По весне прямо в окошко избушки, не страшась собаки, заглянула маралуха с теленком. Что ее привело, непонятно. А вот медведей сюда постоянно влекут аппетитные запахи. Медведя тут можно встретить, спускаясь за водой к речке. Иногда медведи подходят близко к ограде двора, топчутся, оставляя кучи помета. Оборона против них прежняя: линияльные красные тряпки на кольях и кастрюли, «для торканья». Появилась еще новинка. Три года назад привез я Агафье ботала – железные колокольцы, которые надевают на шею коровам и лошадям. Ботала пригодились. Агафья повесила их на границе огорода с тайгою и протянула от них веревки до дверей хижины. Чуть что – она ударяет в набат, не переступая порога избы.

Один из медведей стал проявлять опасную настойчивость в приближениях ко двору. Пришлось принять меры решительные. Сергей с Ерофеем в нужном месте насторожили петлю, и медведь в нее угодил. Добили зверя выстрелом из ружья.

Сама Агафья ружье со стены не снимает. Мы с Николаем Николаевичем уговорили ее все же попробовать пострелять. Агафья, поколебавшись, вынесла ржавое одноствольное ружьецо, укрепила на склоне огорода кусок березы, долго тщательно целилась, но только одна дробинка оставила след в бересте. Самолюбие было задето, и Агафья зарядила ружье еще раз. Результат был таким же. «Да нет уж, пусть висит на стене...» – сказала она с улыбкой взрослого человека, подбитого участвовать в детской забаве.

Сидение у костра закончилось разговором о воробьях и колорадском жуке. По словам Агафьи, прошлой осенью невесть откуда появились тут воробьи, коих скоро переловили заматеревшие на таежных охотах кошки. Я усомнился: воробьи ли? Агафья в точности описала внешность всюду льнущих к человеку мелких воришек. И рассказала: «Два воробья жили у нас и раньше под крышей избы на горе – кормились конопляными семенами и оба погибли зимой от мороза».

О колорадском жуке первой заговорила с тревогой Агафья. Кто-то сказал ей, что жук появился в Горном Алтае. Мы подтвердили это известие. И я подробно рассказал о жуке. Агафья хорошо поняла, какая напасть может обрушиться на ее огород. Попросила нарисовать ей жука. «Наказание Божье. Надо молиться, чтоб миновало». Мы постарались Агафье внушить, что, кроме молитвы, нужен еще карантин, и пояснили, что это значит. «Никакие подарки новых сортов картошки ты не должна принимать». «Едак!» – согласилась хозяйка «усадыбы».

День, проведенный у костра во дворе, закончился ловлей рыбы. Дело это столь важное для Агафьи и столь интересное, что о нем особо следует рассказать.

Река-кормилица

При хорошей погоде вертолет движется высоко, и летчики ориентируются по вершинам гор. Если погода прижмет, вертолет ныряет в каньон, по которому вьется безлюдный в этих местах Абакан. Не заблудишься, но надо повторять все изгибы реки, лишь кое-где срезая углы поворотов.

Справа и слева тянутся к Абакану ручьи и речки – летом от пены белые, зимой по белому снегу вода в них видится черным шнурком.

Еринат – левый приток Абакана в самом его верховье. Пролетая не очень далеко от устья реки, видишь синий дымок жилья. Сделав разворот, вертолет садится прямо у речки на каменную дресьву. К дому Агафьи от вертолета надо преодолеть протоку и подняться метров на двадцать в гору. Отсюда речку видишь как на ладони. Серебристым прозрачным потоком, стиснутым с двух сторон лесистыми скалами, Еринат летит встретиться с Абаканом. И разве что выдры, норки да птицы рискуют проникнуть в узкую горную щель с бурным потоком на дне.

Встретив на пути воду, мы непременно заглянем в нее – что там в ней обитает? Еринат с первого взгляда кажется безжизненным. Снеговая вода прозрачно-чиста – ни козявки, ни стрекозы у камней. Но если постоять неподвижно, то видишь вдруг: что-то мелькнуло над галечным дном. Рыба! Спина ее серая, как и камни, и что-то она, как видно, находит в этой «дистиллированной» стихии. Ей надо быть зоркой, чтобы не проморгать упавшего в воду жучка, она издали замечает червяка на крючке и бросается на него с хваткой голодного существа. На базе геологов, в пятнадцати километрах ниже впадения в Абакан Ерината, бурильщики, забавляясь удочкой, в конце вахты увозили домой по ведерку соленого хариуса. Кроме этой «главной» рыбы, есть тут еще налимы, сиг, ленок, ниже по Абакану – таймень. Но я за четырнадцать лет прилетов сюда увидел лишь хариусов.

Возле ловушки.

Для Лыковых эта рыба значила то же самое, что кедровый орех, добытый в тайге, и картошка на огороде. По рассказам покойного Карпа Осиповича, в том самом месте на Еринате, где приютилась сейчас Агафья, семья налавливала к зиме по многу пудов этой рыбы.

Когда в год рожденья Агафьи – осенью 45-го – семейство спешно скрылось в горах, то рыбачили аккуратно, боясь выдать свое присутствие на реке. Ловили хариусов удочками. Леску свивали из конопли, крючки ковали из иголок, когда ломалось ушко, из старых вилок.

При всем старании удочкой много рыбы не запасешь. Стали, как прежде, делать заколы («заездки») – загородки от берега к берегу, преграждавшие рыбам путь, направлявшие к «мордам» (ловушкам). Но такая плотина, попадись она кому-нибудь на глаза, сразу бы выдавала: тут живут люди. И потому от этого явного знака присутствия у реки отказались – ловили удочками. Потом нужда заставила снова перегородить речку.

В семье Лыковых рыболовами были все. Летом у воды жили братья – Савин и Дмитрий. Для их бытия в укромном малозаметном месте срубили избушку. Но главным специалистом промысла был отец, Карп Осипович. Под его наблюдением реку к осени перекрывали быстро – в три-четыре дня. И так же скоро городьбу из воды убирали.

Агафья приобщилась к рыбному промыслу с двадцати лет и, будучи хваткой во всяком деле, освоила его хорошо.

Соли не было. Рыбу варили, жарили и сушили на зиму в печке. В первый год появления у Лыковых я пробовал эту рыбу, хранившуюся с осени в берестяном коробе, помещен-

ном в лабаз на сваях. Вкусной рыба не показалась. В те годы старик с Агафьей запасали ее немного – все силы клали на огороде и на сборе кедровых шишек в тайге.

И тут на Еринате до рыбы руки не доходили. Запор-загородка требовала много усилий и немалой сноровки. Старик был на это уже не годен. Рыбу добывали как лакомство. Но после злосчастного «замужества», когда Агафья взяла обет не есть мяса, пришлось оборотиться к реке. Решено было уже не удочкой, а ловушками добывать рыбу. Запор на реке помогал строить еще Ерофей. И всех, кто мог подсобить, Агафья к этой работе старалась привлечь.

Осенняя страда на реке.

И вот в первый раз я вижу в действии нешуточное гидротехническое сооружение. Оно не новое для меня. Речные запоры, так же как «морды» – ловушки, – изобретение разных народов во всех частях света. В детстве я видел такие же загородки у нас на Усманке. Но там вода тихая, неширокая, загородка не превышала десяти метров. А тут все сто! И должна загородка противиться стремительному потоку. Забор из жердей поддерживает «кобыльник» – трехсвайные опоры, и впрямь чем-то похожие на забредших в воду лошадок. А по фронту всей загородки вода перекрыта щитами из прутьев. Задача – пропустить воду, не дать ей подняться и идти поверх загородки, рыбу, напротив, надо тут задержать, заставить ее искать выход. Он есть, но именно там расположен зев «морды» – ловушки.

Все ладно идет, пока вода невысокая: приходи утром с ведрком, выгребай хариусов. Но чуть дожди, вода льется через преграду, и с нею – рыба. По осени вместе с рыбой по реке вниз плывут опавшие листья. Они забивают решетку плотины. Чистить надо почти непрерывно. Агафья показала нам, как это делается. Вооруженная лопатой, топором и мешком, она, как белочка, пробежала по верхнему бревну загородки. Чем-то вроде мотыги с тремя рожками она, наклоняясь, чистила загородку от листьев и веток. Иногда в мешок что-то клала. Я попросил показать – кедровые шишки! Их сверху несло течением, и Агафья эти гостинцы тайги ловила.

Часа два шуровала, чистила она сооружение, чем-то напоминавшее бобровую плотину на равнинной реке. Сама она издали тоже напоминала хлопотливого работягу бобра. Достала ловушку, вытряхнула из нее улов, почистила, подлатала прутьями ивняка. Потом сноровисто водрузила «морду» на место. Ловко работая топором, загнала в дно рядом с ловушкой несколько кольев, оглядела – нет ли где щелей на стыке ловушки с забором, придавила ловушку ко дну камнями и только потом разогнулась и огляделась.

Ход рыбы только-только начался. Пик его совпадает тут с листопадом. Вот тогда плотину чистить приходится часто. «Однажды я тут ночевала. Зажгла смолье и еще фонариком свет давала. Пройду всю плотину, а назад возвращаюсь – опять надо чистить. Промаялась до рассвета. Прямо на берегу на куче хвороста от усталости и уснула».

Давайте представим все, что стоит за словами бесхитростного рассказа. Ночь в совершенно безлюдном месте. Темнеют горы справа и слева. Небо то звездное, то с облаками. Шумит река. Горбится над нею запруда. Смолье горит у воды. И, как ночная зверушка, то стоя на бревнах, то забредая в воду, хлопчет с граблями, с топором, с лопатой добытчица рыбы. Одна в диком безмолвном мире. Крикни – только эхо с горы отзовется или загремит по камням потревоженный зверь.

– Агафья, ночевать-то не страшно было?

– А це страшного? – улыбается, не знает, как лучше мне объяснить, что страшно ей не было.

У рыбного места есть у Агафьи и конкуренты. Благородная выдра проходит «заездку» не останавливаясь, иногда лишь влезет на бревно – осмотреться и созвать детвору. Ворон аккуратно прилетает сюда поглядеть – не принесла ли чего к плотине вода и ему. Врагами Агафьи являются норки. Для них ловушка с рыбой все равно что для мыши мешок крупы. «Взяла бы, да и ушла. Нет, все перепортит и опоганит». Но войну норкам объявить Агафья не может – не одолеет. Приходится только чаще появляться тут у плотины, попугивать.

А друг у Агафьи зимою и летом – птица оляпка. Веселая, жизнерадостная, все время приседающая, как в танце. Рыба ее не интересуется, только козявки в воде на камнях. «Смешно по дну бегает – пузыри за ней сзади».

К двадцатым числам октября Еринат замерзает. До ледостава запруды с ловушками надо с реки убирать, и Агафья это каждый год делает.

Вечером не слишком большой улов – десятка три харьюсков – попал гостям Агафьи на сковородку. Хвалили рыбу, хвалили работу Агафьи на Еринате. Засиделись около сковородки за полночь, не подозревали, какие события завтра нас ожидают.

Вторая ступень ракеты

Вертолет. Но в неурочное время и не тот, которого ждали...

Целый десант пассажиров – штатские и военные. Четверо улетают, четверо – остаются. Через пять минут вертолет скрывается за горой, и в тишине можно как следует познакомиться. Прибывшие – москвичи из Военно-космических сил и столичного университета. Возглавляет группу полковник Виталий Васильевич Самброс, с которым, выясняется, мы

могли бы в былые годы встретиться на Байконуре – он лейтенантом заправлял ракеты горючим.

– Сюда-то зачем?

– Есть, есть дела, – улыбается полковник.

Поднимаемся тропкой от речки к «усадебке» Агафьи. Полковник, оказывается, с Агафьей знаком. И она его вспомнила сразу.

Занятная картина: блестит на солнце вода норовистого, дикого Ерината, доит у огорода козу Агафья, вопросительный знак застыл на морде пестрой собаки. А мы сидим у врытого в землю стола, разглядываем прижатую по углам камнями карту и говорим о ракетах. С Плесеца и Байконура они летят по строго определенным трассам. Я насчитал их на карте пятнадцать – четкие линии от точки пуска за край карты. Одна из них от Байконура пролетает мимо Телецкого озера и (вот в чем дело!) как раз у района, где приютились вот эти избушки, огород, козы. По этой самой южной трассе пускают ракету «Протон». Она выносит на орбиты Земли спутники связи, грузовые корабли для космической станции «Мир» и вообще «все тяжелое». Ракета огромная. (В Москве в штабе Военно-космических сил мне показали видеозапись старта – грохот, море огня. Через несколько секунд «Протон» как бы чуть наклоняется в небо. «Вот пошел уже в сторону вашей Агафьи», – сказал генерал.)

Сюда ракета, сбросив в районе старта первую отработанную ступень, прилетает через семь минут. Это время работы второй ступени ракеты. Над Горным Алтаем либо тут вот, в верховьях реки Абакан, ступень отделяется, падает вниз.

На карте эти места обозначены аккуратными, вытянутыми вдоль трассы эллипсами. Ширина – 60 километров, длина – 110. Опустившись в плотные слои атмосферы, вторая ступень с остатками топлива разрушается. Эллипсы очерчивают район, куда могут упасть обломки и, может быть, выпадают остатки топлива.

Слушая ракетчиков из Москвы, я теперь только ясно начинал понимать рассказы покойного Карпа Осиповича и Агафьи, видевших тут «огонь, дым, гром» и осколки «белого железа», падавшие в тайгу. Они вполне понимали небожественное происхождение этих не очень частых, но и нередких явлений. (Генерал в Москве: «С 70-х годов по этой трассе прошло сто с лишним ракет».)

Почему над Горным Алтаем и над этим районом Хакасии отделяется вторая ступень? Выбор места можно было варьировать режимом полета ракеты. Для отделения второй ступени выбрали места наиболее безлюдные. По той же причине в малодоступном районе осело со своей старой верой семейство Лыковых. Линия жизни горстки людей и путь ракет на орбиту мистическим образом пересеклись.

Военным важно знать сейчас все, что видела тут Агафья. На пеньке в стороне от стола положили видеокамеру. Меня попросили по нужной схеме Агафью расспрашивать. Она говорила охотно, подробно – как увидели «огонь и дым» в первый раз, как стали прятаться от «белого железа». «Один обломок вон и сейчас лежит в огороде. А за речкою в кедрачах – изогнутая труба, – Агафья ладонями показала ее диаметр. – Когда все падает – шлепки такие, будто большие поленья летят в тайгу».

Я, прерывая беседу с Агафьей, расспрашивал и военных. В этом месте под обломки дюраля попадет скорее олень и медведь, чем Агафья или кто-нибудь из охотников. А на Алтае, где есть население? «Пока такого случая не было – населенных пунктов в зоне падения нет. Но могут пострадать пастухи, туристы, охотники. О каждом запуске (время его известно с точностью до секунды) мы сообщаем местным властям, и они обязаны в нужных местах людей предупреждать. Агафью в последнее время прилетали предупреждать специально».

Не все во второй ступени «Протона» разлетается на осколки. Огромные баки, содержавшие окислитель, падают целиком. Мне показали снимки этих «гостинцев с неба», обна-

руженных в разных местах Хакасии и Алтая. Все три избушки Агафьи с курятником и козлятником поместятся в этом «бидоне» диаметром более четырех метров.

Еще одно направление в расспросах Агафьи касалось болезней – ее болезней, а также болезней кур, коз, растений на огороде. На нездоровье Агафья тут жаловалась всегда. И не связывала его с тем, что падало с неба. Радикулиты, простуды были в жизни ее неизбежно обычными. Коза вот, да, странно болела этой весной. Живущий тут харьковчанин Сергей тоже весной неожиданно слег – «температура – 39, слабость невероятная. Но через несколько дней прошло». Сопоставляем сроки. Это было как раз после майского пуска одного из «Протонов». Но Сергей, уже знающий суть проблемы, склонен думать о не слишком свирепой форме энцефалита – «клещей десятками смахивал с себя ежедневно...».

Более часа шел разговор. Звездное небо обещало мороз. Агафья ушла укутывать пленкой помидоры и прятать тыквы под одеяло. А мы перебрались во «флигель» к Сергею и продолжили разговор уже у свечи.

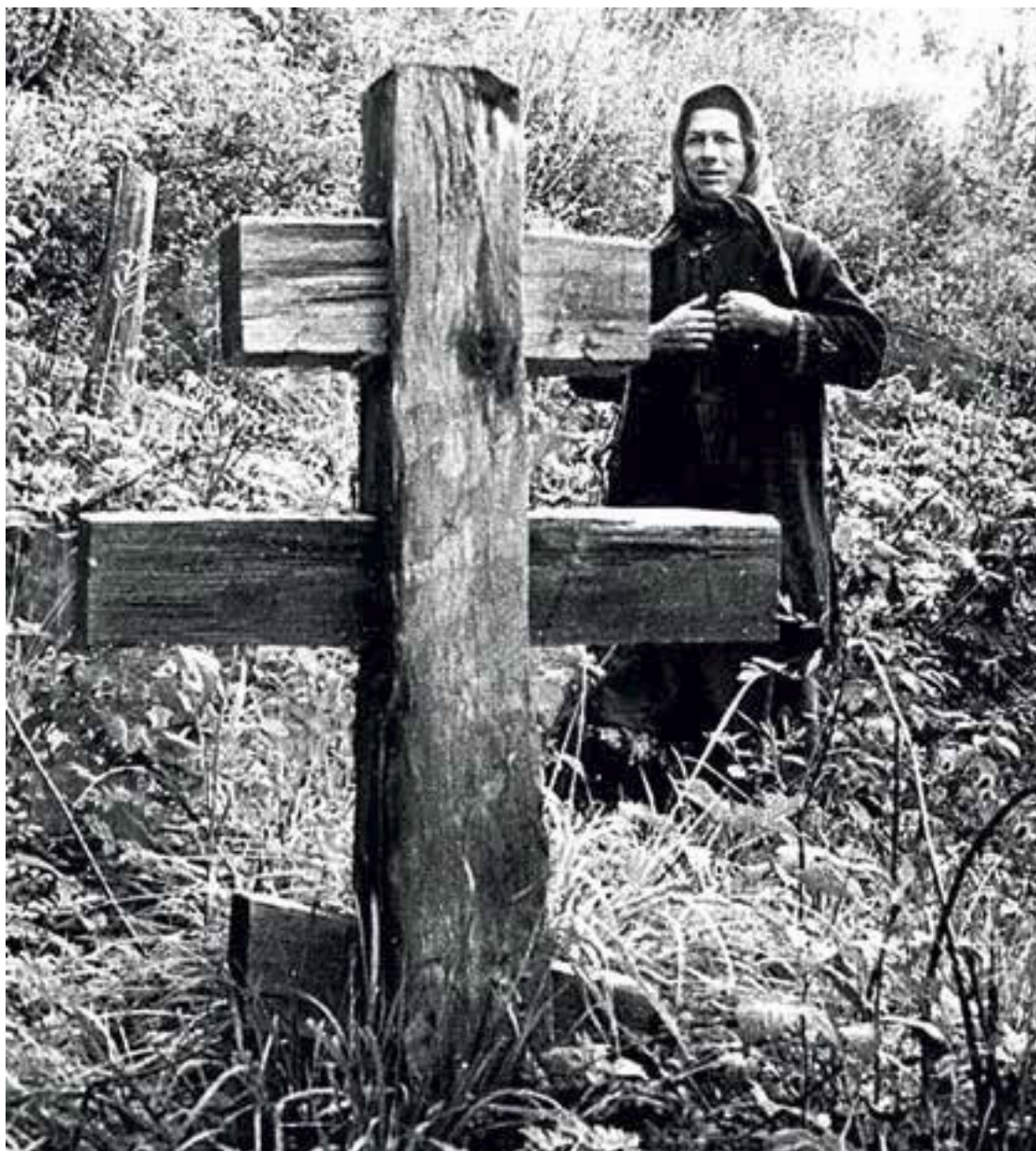
Вторая ступень ракеты огромна!

Оказалось, полковника Самброса и его спутников – биологов, химиков, медиков – осколки ракет занимали постольку-поскольку. Куда важнее возможное рассеивание в местах падения второй ступени остатков ракетного топлива.

Помню, на космодроме я слышал об этом топливе под названием гептил. Лейтенант Виталий Самброс эту «специфическую, пахнущую гнилым мясом жидкость» заливал в баки стоящих на старте ракет. «Мы знали: гептил ядовит. Очень ядовит. Цикл заправки был замкнутым. Но все мы принимались – нет ли утечки? Меры предосторожности соблюда-

лись. Предусмотрено было все, что в технике принято называть «защитой от дурака». И не помню, чтобы кто-нибудь пострадал. Вот я перед вами – жив-здоров, имею детей, не утратил вкус к жизни. И волею судеб теперь вот следы гептила ищу в этих благословенных местах».

Что за следы? Дело в том, что в каждой ступени ракеты топливо полностью не выгорает и летит вместе с «белым железом» вниз. Первая ступень падает вблизи старта ракеты, и зона возможного заражения невелика. Вторая ступень отделяется на высоте ста сорока восьми километров. Остатки горючего в баках при разрушении всего устройства в плотных слоях атмосферы сгорают, но какая-то часть гептила с большой высоты, рассеиваясь в пространстве, выпадает на землю. Теоретически это синтетическое вещество, главной частью которого является азот, достигать земли не должно, как не достигает ее керосин из другого класса ракет. Но ведущиеся уже несколько лет полевые исследования специалистов из нескольких институтов в местах отделения второй ступени показали: следы гептила обнаруживаются в почве, в снегу, в растениях. Как могут влиять эти небольшие количества токсичного вещества на живые организмы, пока неясно. Но работа экспедиций сразу привлекла внимание. В разговорах и публикациях реальности, как всегда, перемешаны со слухами и домыслами. Но игнорировать все, что наблюдается в этих районах, нельзя. Охотники жалуются: «дичи в районах стало меньше, рыбы в Абакане заметно убавилось». На Алтае обнаружили странные заболевания: рождаются «желтые дети», причем процент пораженных желтухой новорожденных очень велик, приводятся случаи других не объясненных пока болезней. Жемчужина сибирской природы – Горный Алтай – находится в кольце промышленных центров, сильно загрязняющих атмосферу. И над Алтаем проходит трасса «Протонов». В химическом коктейле, тут оседающем, главное подозрение вызывают азотные соединения и в первую очередь гептил. Сколько его, каков механизм действия на живые организмы, что и как надо делать для ликвидации последствий и как предотвратить дальнейшее заражение природы – проблема серьезная и большая. Боюсь, что силами (и средствами!) ныне действующих специалистов решать ее трудно. Нужна большая (и срочная!) государственная программа исследований всего комплекса загрязнений.

Агафья у могилы отца.

Законный вопрос: как получилось, что топливом для ракет стало высокотоксичное вещество? Ответ простой. Все ракеты для «мирного космоса» – двойники ракет боевых. Для них гептил – горючее высокоэффективное. Боевые ракеты, слава богу, не полетели. А если бы полетели – кто на Большом пожаре вспомнил бы о каких-то следах гептила? Но приспособленные к мирным делам ракеты, взлетая довольно часто, ядовитый свой след обозначили. И если учесть, что гептил плохо разлагается, может накапливаться в живых организмах и передаваться по пищевым цепям, то внимание ко всем процессам, где задействован химикат, должно быть очень большим.

Нынешняя группа исследователей (программа «Экос» действует с 1988 года) прибывает к месту падения второй ступени перед каждым полетом – берут анализы почв, воды и растений до полета и после. Очередной «Протон» с американским спутником связи «Инмарсат» полетит наступающей ночью. Наблюдать за пролетом и брать все необходимое для анализов будут две группы в разных местах. Место, где обитает Агафья, она сама и вся

живность при ней особенно интересны ученым. Тут нет ничего (например, алкоголя или промышленных загрязнений), что может смазать картину исследований...

Час ночи на 7-е сентября. Небо как по заказу высокое, чистое. Звезды отражаются в тихой заводи Ерината. По инструкции всем надо остаться в избе, но разве можно упустить возможность редкого зрелища. Как на тайную встречу, цепочкой, с фонариком спускаемся под гору в пойму реки. Агафья, поколебавшись – идти или нет? – не удержалась от любопытства, тоже спускается вниз.

Мороз белой солью лежит на траве, на камнях. Тихо и холодно. Сверяем часы. Кнопку на Байконуре нажмут в 1 час 37 минут местного времени. Подлет ракеты – семь минут.

– Вон вершина. Из-за нее полетит... – как эксперт выступает Агафья. Место для себя на всякий случай она выбирает возле тюков соломы, привезенных для коз.

Отмечаем: «Пуск прошел!» Теперь ждать...

Ощущение нереальности. Слева от меня стоит полковник – подсвечивает фонариком часы на руке. Рядом с ним – майор с видеокамерой, а справа притулилась Агафья, жметя к Николаю Николаевичу и потихонечку крестится.

На Байконуре уже проводили, наверное, взглядом удаляющееся на восток пламя ракеты. Семь минут нам кажутся долгими. Шумит на камнях Еринат. Справа и слева темнеет крутизна гор. Небо мы видим со дна каньона – все в ярких звездах. На горке в хозяйстве Агафьи пропел петух, гавкнула разбуженная «живыми часами» собака. «Пролетает Семи-палатинск...» – вслух прикидывает полковник.

И вот в месте, указанном Агафьей, появляется что-то окутанное бледным призрачным светом и быстро удаляется на восток. «Третья ступень. Высота сто сорок восемь километров...» – ориентирует полковник майора, которому надо заснять паденье второй ступени. Она уже отделилась где-то на подходе к «району Агафьи», с большой высоты уже погрузилась в плотную часть атмосферы. И вот-вот должна появиться из-за горы на высоте примерно тридцати километров.

Появилась! Шар ослепительно-белого света, по бокам – еще два светящихся шара поменьше. А сзади, как у дракона, длинная полоса красного пламени. Все движется быстро и пролетит, кажется, прямо над нашими головами. Нет, чуть-чуть в стороне... Секунды зрелища, и вдруг – взрыв! Звука не слышно, он с высоты будет идти к нам больше минуты. А вспышка видна хорошо. По трассе за ним – россыпь тусклых мерцающих огоньков, как блески во время фейерверка, когда «хризантема» огней угасает. И вот наконец гром в звездном безоблачном небе. И раскаты его – затихающие, слабеющие.

Гляжу на Агафью. Она спокойна.

– Так бывает всегда?

– Дык ночью-то да. А днем – только дым и гром опосля.

– Представленье окончено! – говорит майор, снимавший огни, не вполне уверенный – получилось ли?

Агафья уходит от реки первой. Видим, как в избушке ее засветилось окошко. Потолкавшись у реки еще минут пять, мы тоже поднимаемся в гору и под новый крик петуха располагаемся на ночлег...

Днем геохимик из МГУ Юрий Васильевич Проскуряков собрал в пластиковые мешочки новые пробы с огорода Агафьи, попросил надоить свежего молока на анализ. Мы с Агафьей сходили на могилу Карпа Осиповича. Еще раз обошли двор, избушки... И вот – вертолет.

Летчики озабочены: «Погода портится. Улетаем без промедленья!» Агафья уже привыкла к неожиданным появлениям и быстрым отлетам гостей. Бежит с посошком под гору вместе со всеми. Что-то в шуме винтов кричит на ухо Николаю Николаевичу Савушкину.

«Все, все, улетаем!» – торопит механик и закрывает дверь. В иллюминаторы видим на ветру Агафью и Сергея-художника – прижимают камнями прозрачную пленку на груди мешков.

Сложна жизнь. Кто мог подумать, что запуск спутника, да еще и американского, может как-то коснуться человека, живущего где-то в тайге при свечке. Оказывается, все в нынешнем мире связано одной веревочкой. В Москву везут ящик с образцами, взятыми на Алтае и на территории «326» (место обитания Агафьи). Будут все процеживать, выпаривать, высвечивать, вычислять. И до какой-нибудь истины доберутся. «Американцам проще, – говорит полковник. – У них все падает в океан».

А Николай Николаевич Савушкин везет у Агафьи взятую на ремонт бензопилу. Выписывает на отдельную страничку в блокноте просьбы: сапоги, свечи, лекарства... Закончить рассказ об этой поездке мне хочется словами о добром моем товарище. В 1982 году абаканские власти меня познакомили с Савушкиным. «Вот вам помощник. Превосходно знает лесную жизнь. Опытен. А человека в нем оцените сами...» К порученью – «помогать Лыковым» – Николай Николаевич отнесся не по-казенному. Не перечислить всего доброго, что сделал он для таежных затворников, особенно для осиротевшей Агафьи. В этот раз, вернувшись из Тупика, Николай Николаевич получил телеграмму. Москва извещала: за рачительное ведение лесного хозяйства в Хакасии Николай Николаевич Савушкин награжден орденом... Моя бы воля – еще один орден дал бы этому человеку за доброе сердце, за мудрость, за чуткость и обязательность.

Третьего дня Николай Николаевич позвонил: «Пила отремонтирована, сапоги куплены, лекарства припасены. Пошлем, как будет оказия».

И самая свежая новость. Вчера позвонили московские геохимики: «В почве с Агафьиного огорода и в козьем молоке следов ракетного топлива не обнаружено...»

Вот и все о последнем свидании в Тупике.

• Фото автора. 24 – 26 сентября 1996 г.

Поглядим в глаза друг другу...

Окно в природу

Восемьдесят процентов всей информации из окружающего мира человек получает с помощью глаз. И только двадцать процентов ее приносят вместе слух, обоняние, осязание, вкус.

В то же время глаза являются «зеркалом души» человека. По ним можно определить характер и состояние человека в данный момент, отчасти его намерения, его здоровье. Речь, мимика, поза много могут сказать верного, но могут и ввести в заблуждение. В глазах же неправду частенько можно прочесть – «лживые глаза». С другой стороны, правдивый взгляд может разрушить подозрения, сомнения. Взгляд бывает бесстыжим. Это когда явная ложь, обман, моральный запрет видеть что-то не побуждают человека отвести глаза в сторону. Бывает взгляд наглый – что хочу, то и сделаю вопреки закону, правилам, приличию и не считаю нужным это скрывать. Известен взгляд кроткий, характеризующий послушание, скромность, добровольное подчинение. Не нуждаются в пояснении взгляды: дерзкий, влюбленный, испытующий, сердитый, блудливый, злобный, заботливый, грустный, тяжелый, беспечный, презрительный. Перечисление может каждый продолжить, руководствуясь жизненным опытом, литературой, лицезрением экрана, где глаза крупным планом могут сказать о человеке больше, чем самые выразительные слова.

Взгляды влюбленных красноречивее всяких слов. «Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу...» – это Есенин. «Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, он весь, как божия гроза» – это Пушкин о Петре Первом.

«Ну-ка погляди мне в глаза», – говорим мы кому-то, подозревая в неискренности. «Вижу, вижу – прячешь глаза...» – уличаем в проступке, предательстве. Взглядом можно «испепелить», «убить», «измерить», повергнуть в смущение, укорить, но и воодушевить.

Люди суеверные считают, что можно «сглазить» – посмотреть на кого-то, сопровождая выразительный взгляд излишнею похвалой. И, глядишь, ребенок начинает по ночам плакать, коза убавила молока, ласковый муж вдруг начал грубить. «Сглазили...» – говорили в деревне. К моей матери приносили детишек лечить «от сглаза» и от испуга. Хорошо помню эту нехитрую процедуру. Какого-нибудь мальчика сажали на порог, на голову ставили черепушку с водой и выливали в нее расплавленный воск. Матери мальчика говорилось: «Ну, видишь – глаз виден...» Или, например, так: «Кочета испугался. Вот гляди – вылитый кочет...»

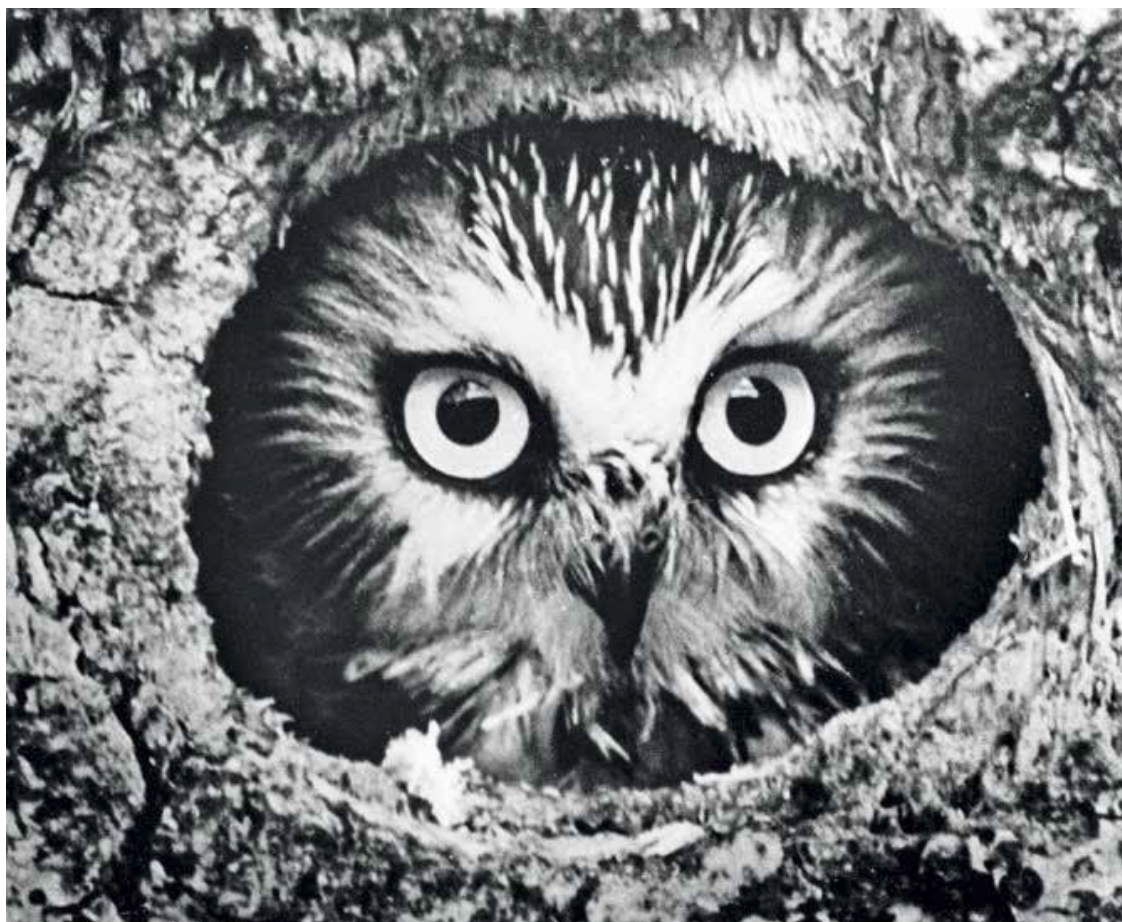
Взгляд у людей с характером – тоже особенный. Людей с «тяжелым глазом» в деревне побаивались – подозревали в них колдунов. Любопытно, что «колдунами» это не опровергалось, хотя как-нибудь властвовать над другими – свойство многих натур.

У каждого человека взгляд может меняться, отражая состояние души в данный конкретный момент. Кое-кому все, что можно прочесть по глазам, удастся скрывать «обузданием нервов». Но дело это далеко не простое, и бывают ситуации, когда сделать это не удастся. Широко открытые глаза – это страх, «квадратные» – крайнее удивление. «Потухший взор» – угнетенное состояние. Блуждающий взгляд – озабоченность чем-то, невозможность сосредоточиться, «буйство глаз» – состояние аффекта, безрассудная решительность. Стрелять глазами, строить глазки – игривое приглашение к флирту.

В житейской практике при объяснении людей взгляд может говорить прямо противоположное тому, что слетает у них с языка. Взгляд – это визитная карточка характера и намерений. Открытый, прямой (честный взгляд) – приглашение к отношениям прямодушным

и откровенным. Взгляд исподлбья ничего хорошего нам не сулит, так же как бегающие глаза, глядящие сквозь вас и мимо вас. Зеркало души!

Но в чем тут дело? Есть что-то во взгляде мистическое? Некоторые так и думают. На самом деле целый комплекс заметных или малозаметных изменений в лице человека образует это «душевное зеркало». Направленность взгляда, положение ресниц, движение бровей, степень открытости глаз, расширение зрачков, блеск роговицы – все это делает взгляд характерным и точнее, чем что-то другое (покраснение лица, «горящие уши», «волосы дыбом», нервная дрожь), определяет внутреннюю сущность, эмоциональное состояние человека. Не случайны маскировочные темные очки, вуаль, при публикации фотоснимков – черная полоса на глазах, мешающая распознать или, как говорят криминалисты, идентифицировать человека.

А что у животных? То же самое, но более упрощенное. Прямой взгляд – глаза в глаза – это вызов. В жестко иерархических группах животных никто не посмеет без риска быть битым посмотреть в глаза вожаку. Поглядите в глаза собаки. Домашний преданный пес примет ваш взгляд с покорностью, как знак расположения, и будет демонстрировать свой преданный, заискивающий взгляд. Он может быть у собаки и виноватым, если она нарушила принятые нормы поведения. Для незнакомой собаки прямой взгляд в глаза – это враждебность. Твердым взглядом можно остановить нападение пса. Собака глухо зарычит и отведет глаза, замещая агрессию чем-нибудь прозаическим – начнет нюхать землю или примется чесать себя лапой.

Кошку ваш пристальный взгляд может смутить. В милой ее головке хранится память о прегрешеньях, и пристальный строгий взгляд она расценит как вашу осведомленность о содеянном – «знает кошка, чье мясо съела».

У некоторых животных отношения выясняются единоборством взглядов – кто кого пересмотрит (это наблюдается и у людей).

Встреча взглядом с кем-то представляющим потенциальную опасность означает для животного: обнаружен! К затаившемуся зайцу можно подойти близко, если двигаться не прямо, а делая все сужающиеся круги, смотреть в сторону. Но как только заяц встретил ваш взгляд – он немедленно вскочит.

«Большие глаза» у животных – свидетельство страха. Глаза раскрываются рефлекторно – лучше видеть опасность. Большие глаза другого существа внушают опасение, особенно тем, кто ведет ночной образ жизни и знает: глаза совы – это опасность явная и большая.

Защищаясь или нападая, животные понимают: повредив врагу или жертве глаза, они получают важное преимущество. Ворон еще шевелящейся жертве немедленно выклюет глаза. Цапли и журавли хорошо понимают: если не удалось взлететь, средство защиты должно быть направлено противнику в глаз. Я был свидетелем сцены, вспоминая которую вздрагиваю. В Центральном лесном заповеднике городская художница предложила жившего у нее журавля отнести для фотосъемки на пруд. Быть на руках у хозяйки журавлю не понравилось, и он ударил своим крепким долотом-клювом женщину в глаз. К счастью, клюв был открытым, и удары пришлись сверху и снизу глаза. Африканская плюющая кобра струйкой яда метит жертве в глаза. Иногда этой жертвой бывает и человек.

Глаза животных могут выдавать их чувства – горящие глаза хищника, затравленный взгляд бездомной собаки, потухшие глаза уставшего бороться за жизнь существа. Но только человек, управляя своими чувствами, может смягчить взгляд, улыбнуться глазами, дружески подмигнуть. И это для общего хорошего настроения делать надо возможно чаще.

• Фото из архива В. Пескова. 11 октября 1996 г.

Беловежская пуца

Окно в природу

Старожилы древнего леса.

«Лес, точно терем расписной...» – прочтем у Бунина. «Очей очарованье...» – написал Пушкин. В осеннем лесу даже и не поэт им становится – так много красок, запахов, божественной тишины. Даже и малый лесок дарит нам в октябре щемящую сердце «прощальную краску». Что ж говорить о Пуще, об этом «главном лесу» Европы! Никакой храм не сравнится величию с этим храмом Природы. И когда тебе говорят: вот на этом месте литовцы-язычники разжигали костры, ты понимаешь, почему в Литве язычество держалось дольше, чем где-то еще в Европе.

Великий лес! Зеленая парча елей чередуется с золотом кленов и дубняков. Даже в пасмурный день лес светел от листопада, а при солнце, при синем небе кажется, вот-вот ударит золотой колокол и все тут вздрогнет, даже без ветра отдаст земле прощальную желтизну.

«Этому дубу шесть сотен лет...» – говорит женщина-экскурсовод стайке туристов. Всем хочется погладить шершавый ствол великана. Шесть сотен... Что же было в те времена, когда дуб проклюнулся из упавшего в такой же вот день желудя? «Этот – не самый древний. Пойдемте-ка в гущу...» – говорит мой приятель, и мы идем без тропинок по мягкой земле под сережками бересклета, по зарослям папоротника, мимо темных пирамидок можжевельника. «Вот!..» Дубу под семьсот лет. Три человека, взявшись за руки, не могут его обнять. Дуб строен, здоров и может прожить еще многие годы. Даже варвар посчитает грехом покуситься с пилюю на это чудо.

Сойка понесла с дуба желудь. Белка высоко в кроне желудь роняет, и он звучно, пробивая этажи леса, падает возле моих ботинок. Литое, гладкое совершенство, из которого может вырасти дуб, но я кладу этот желудь в карман на память. Ежик прошуршал по опавшей листве. Зверек соня ковырялся в рыхлой ветоши возле дуба и оставил бугорок как будто бы просеянной кем-то земли. Сколько поколений всего живого, включая и людей с их страстями, пережил этот царь Времени, окруженный молодыми соснами и дубами, каждому из которых за сотню лет...

Беловежская пуца... В летописях первое упоминание о ней обозначено 983 годом. В те времена Европу покрывали леса первичные, вековые, с волками, медведями, зубрами, турами, леса бездорожные, внушавшие человеку благоговейный страх. Это в них прятался Робин Гуд, в них путешествовал славный рыцарь Айвенго, в них Красная Шапочка действительно могла встретиться с волком. Поэзия Средневековья связана с этим царством лесов. Они были колыбелью европейской цивилизации. Леса тянулись с Британских островов до Италии, от Испании за Днепр до Урала. Леса около Белой вежи (вежа – башня, она цела, ей семьсот лет) были частью великого океана лесов.

Топор извел это царство довольно быстро. Нынешние равнинные леса Европы – это не остаток первобытных лесов, это древостои посаженные, окультуренные – зеленые островки среди житейского моря, похожие больше на рощи. Беловежскую Пуцу можно считать наследницей древних европейских лесов. Только тут сохранилось древесное разнообразие, стойкое против болезней, пожаров, стихийных бедствий. Тут сохранились деревья-памятники (главным образом дубы и сосны), возле которых чувствуешь себя муравьишкой.

Весь этот лес – памятник прошлому. Нечто подобное держалось долго в других местах: Муромский лес, Брянский, Теллермановский, Усманский бор, Бузулукский. Увы, слава некоторых сохранилась только в названии. А Пуца цела. И четыре года назад включена в список важнейших природных ценностей на земном шаре.

Конечно, лес этот не вполне первобытен. Его во многих направлениях пересекают дороги, его покрывает квартальная сетка (первое лесоустройство в России было проведено здесь – 1842 – 1847 годы). При всей «дикости» Пуцы в ней не осталось места для жизни медведей (последние исчезли в 1887 году).

Пуца была «под Литвой» и «под Польшей», принадлежала семье русского царя. Ее то берегли, то терзали. Немцы в Первую мировую войну, заняв здешние земли, немедленно проложили в Пуце 300 (!) километров узкоколейных железных дорог, построили четыре лесопильных завода. За два года лихорадочного грабежа отсюда вывезли четыре миллиона кубов древесины высочайшего качества («дуб на мировом рынке шел по цене шоколада»).

Вслед за немцами по концессии, взятой у Польши, вековые дубы и сосны валила английская фирма «Центура». Раны, нанесенные Пуце, не затянулись поныне. Проезжая по местам бывших узкоколеек, видишь плешины – тут были склады и лесопилки.

Сегодня Пуца находится в двух государствах – в Польше и Белоруссии. Поляки заповедали только десятую часть леса-памятника, в остальном ведут рубки. В Белоруссии заповедана вся территория Пуцы, но мелиорация, которой увлекались в этих краях, превращая болота в пашни и сенокосы, понизила уровень грунтовых вод, что быстро сказалось на пуцинских древостоях – ель стала сохнуть.

И все же многим терзаниям вопреки европейская древность жива. Пуца объявлена Национальным парком Белоруссии. На территории бывшего Советского Союза это единственный национальный парк, отвечающий принятым мировым нормам. Тут высокого класса гостиницы, хорошие дороги, лесные приюты, хороший музей, ресторан. Пуца открыта для экскурсантов и ценителей отдыха среди леса.

Вопреки ожиданиям развала, какой видим мы повсеместно, тут сохранилось нормальное хозяйственное кровообращение. Трудности – как везде, но то ли жирок поднакоплен тут

был, то ли в хороших хозяйских руках находится этот особой ценности «музей под открытым небом», но восемьсот (!) работников Пуши чувствуют свою нужность и берегут то, что для Белоруссии, несомненно, является главной из всех ценностей.

В растительном мире Пуши дуб – главный герой, в животном фигура главная – зубр.

Зубр – древний жилец планеты. Обитал он когда-то по всей Европе аж до Урала. Пережил мамонта. Укрывали его леса. С исчезновением лесов исчез повсеместно и зубр. Беловежская пуша стала его последним прибежищем. Но и тут копье, арбалет и ружье стерегли зверя во все времена. Крупная эта дичь была объектом «королевских охот», но покушались на великана и браконьеры. В начале прошлого века в Пуше жило три с половиной сотни зверей. Через пятьсот лет численность зубров благодаря охране и подкормке перевалила за тысячу. А потом покатилося все под гору. Тому способствовала мировая война – Пуша теряла не только свои древостой, но и животных. В 1915 году было тут 300 зубров, через год – 100. В 1919 году лесник из деревни Сточек Варфоломей Шпакович увековечил себя, прикончив последнего зубра.

Но свеча не погасла. Зубров спасли, собрав остатки их в зоопарках и выпустив в Пушу. Древний лес давних своих обитателей приютил, защитил и дал им размножиться. Сейчас только на белорусской стороне леса обитает три сотни зверей.

Не углубляясь в Пушу, зубров можно увидеть в загоне. Сама древность глядит на тебя сливовым глазом, почесываясь о корягу. Животное не кроткое, но и не свирепое. Стихотворец 1502 года писал: «Ты его не тронь, и он тебя не тронет».

Вольно под пологом леса бродят три стада зубров. При желании их можно всегда увидеть – предпочитают пастись на опушках и на полянах. Выглядят неповоротливыми тугодумами. Но впечатление это обманчиво. При опасности срываются с места, как будто ветер их сдул, – только треск, стихающий в чаще.

Зубру без Пуши некуда деться. Но и Пуша без зубра сразу бы потеряла свой колорит, свою «дикость» и древность. Зубра тут берегут. Зимой подкармливают. В разных местах леса я видел уже набитые сеном сараи...

И много у зубра соседей. В посаженном монокультурном лесу (сплошные ельники, сосняки, березняк, тополевик) жизнь бедна, временами кажется, нет ее вовсе. А Пуша с ее растительным разнообразием держит под пологом множество разных жильцов.

Чаще всего тут видишь оленей. Перебегают дорогу косуля, кабан. Обычна рысь. Есть волки. Лиса, барсук, енотовидная собака, куница, бобр, выдра, белка, заяц-русак живут бок о бок. Птицы – от филина до крошек крапивника и короля. Аисты – оба: черный и белый. Черный редок и нелюдим, белый, как и везде, льнет к человеку. Устроили в Пуше два водоема – немедленно появились повсюду редкие белохвостые орланы и загнездились лебеди.

С радостью видишь в Пуше черного в красной шапочке дятла-желну и с удивлением – кедровку. Эта обычная жительница Сибири изредка (залетно) появляется в средней России, а тут эта птица – «своя», оседлая. Питается желудями, семенами сосны и, соседствуя с глухарями, подтверждает: Пуша – это южная часть европейской тайги. Всем зверям, исключая только медведей, есть в «старинном» лесу прибежище.

Но эта густо замешенная жизнь зависит полностью от людей, от их сердца и разума. Многочисленные ныне олени в этом для них благодатнейшем месте изведены были полностью. В 1705 году не осталось ни одного! Но, слава богу, осталась Пуша. Завезли в нее из другого места оленей. И сейчас их столько, что надо уже сокращать, уже не всех может прокормить Пуша.

Хотя бы два слова надо сказать об охотах в древнем лесу. Были они тут всегда. В 1409 году для славянского войска перед Грюнвальдской битвой в Пуше заготавливали провиант – били зубров, оленей и кабанов. При походе Наполеона в Россию Пуша стала местом сражений, а шедший вслед за французами австрийский корпус опять же в этих лесах

запасал провиант. А уж сколько вельможного люда приезжало сюда поохотиться! Древние князья могли показать тут доблесть, с копьем на коне вступая в единоборство со зверем. А вот на снимке вижу царя Николая II. Сидит с ружьишком в спокойной позе на раскладном стульчике. Эта охота уже без всякого риска. Урон несли только звери. На царской охоте в 1897 году в Пуще было убито 35 зубров, 25 оленей, 37 ланей, 69 кабанов... Еще более «добычливой» была охота 1900 года.

В советское время в Пущу, считавшуюся заповедником, стали наезжать с ружьями секретари и генеральные секретари. «Машеров, настроляв дичи, посылал в Минске мясо своим друзьям». «Хрущев, убив оленя, подходил, трогал его сапогом, говорил: «Мясо сдать...» «Брежнев не стеснялся бить зверей из-под фар». Чтобы как-то прикрыть недозволенность стрельбы в заповеднике, Пущу сделали «заповедно-охотничьей территорией», иначе говоря, местом охоты для избранных, для тех, кто и ныне способен стрелять зверей с вертолета, кто может убить зараз пятьдесят уток (по закону можно лишь двух)...

В последнее время приезд вельможного люда в Пущу не наблюдался. Сиротливо стоит в окружении сосен ставший в один день знаменитым охотничий дом, построенный для Хрущева. В нем в декабре 1991 года втайне от народов большой страны «три зубрами» из славянских столиц был оформлен развал великого государства. «Вот окно Ельцина, а это – Бурбулиса... А в рубленом доме жили Шахрай и Козырев. А тут – Шушкевич, Кравчук... Говорят, прямо отсюда позвонили сообщить приятную для него весть американскому президенту, – рассказывает лесник и заканчивает словами: – Большое черное дело...»

...А Пуща – «терем расписной» – уже зябнет от легких ночных морозов, от долгих туманов. Пуща спокойна и равнодушна к страстям человеческим. Много всего повидали ее дубравы. Но молчаливы. И, умирая, ничего не расскажут.

• Фото автора. 18 октября 1996 г.

Лестница жизни

Окно в природу

Две недели назад ехал я в поезде с дагестанцем. Глядели в окно, говорили... Камал живет где-то под Брестом, но сердце его в горах. Говорил он о кизячном дыме, об овцах. О горных тропинках, о скудности горной жизни, о причинах вражды между горцами – «жизненное пространство»! И зашел разговор о влиянии высоты на жизнь. «О, еще как влияет! В нашем Кули вызревают яблоки, груши, черешня. Аул Хафек через ущелье напротив, крикни – услышат. В нем яблони, вишни, черешни тоже цветут, но вызревает только картошка. Почему? Разница в высоте. Всего триста метров, а жизнь другая».

На этажах высоты жизнь различается очень сильно. В горах, находясь в одной географической точке, из тропического леса, саванны или тайги можно подняться в арктическую зону – снег, лед и ничего больше, никакой жизни! Килиманджаро в Африке – гора не бог весь какой красоты, но воспета всякими средствами – от рекламных картинок до рассказов Хемингуэя. Экзотика! У подножия ходят зебры, слоны и жирафы, а сверху белеет чудо для Африки – снег.

Край жизни. Альпинистов сюда сопровождают лишь вороны.

Когда в Индии с юга подбираешься к Гималаям, видишь ту же экзотику: жирная зелень леса и вдруг на фоне синего неба – белый зубец. Это снег, вечный снег на высоте восьми тысяч метров. Температура с поднятием вверх через каждые двести метров опускается на один градус. Прикидываешь: там, где белеет этот зубец, мороз за сорок. Но тут, у подножия горы, жарко, люди в рубашках. Альпинисты, нагруженные теплой одеждой, выглядят странно.

По мере того как поднимаешься вверх, человеческий муравейник вдруг исчезает. Высота не может кормить столько людей, сколько кормит равнина. Редкие деревеньки.

Щепотка домиков на уступе горы – желтеют початки кукурузы на плоских крышах, пашня, отвоеванная у гор, кружевными террасами окаймляет деревню, у околицы бродят низкорослые буйволы, мальчишка-пастух стоит на уступе. Другая деревня напротив – через ущелье. Если в гости, по тропке вниз, а потом вверх – полдня пути. Но меж деревьями над ущельем натянут канат. В подвесной тележке по воздуху можно добраться минут за двадцать.

Ламы – жители высокогорий Южной Америки.

Выше – еще деревни, но реже и реже. А дальше встретишь лишь пастухов. Выше их – мир охотников. Ну а к снегам и дальше по ним ходят лишь альпинисты. «Стационарная» жизнь человека в Тибете и в американских Андах теплится на высоте четырех тысяч метров. Выше, сознательно обрекая себя на трудности, живут монахи в монастырях либо добытчики серебра. Высшая точка «стационарной» человеческой жизни как рекорд отмечена на высоте шести километров. Для равнинного человека, у которого на высоте уже трех километров болит голова, жизнь в монашеском поднебесье немыслима. Только альпинисты, утверждая силу человеческого духа, поднимаются еще выше, часто расплачиваясь за это здоровьем и даже жизнью.

Ну а животные и растения, как высоко они поднимаются? Тот нам родственный мир, не озабоченный ни мыслью о Боге, ни спортивными достижениями, на горных этажах размещается в соответствии с температурой, влажностью, характером почвы и силой ветра. Эти условия определяют каждому свое место.

Кто поднимался в горы с подножия, видел плодоносящие заросли в самом низу. Повыше лес станет лиственным, как в средних широтах, к зиме пожелтевший наряд свой он сбрасывает. А выше – лес хвойный. Пролетая в Саянах к жилищу Лыковых, я всегда

вижу эту границу. За хвойным лесом следует смесь – пестрота деревьев и луговин, а выше – сплошные луга. (Закономерность распространения жизни по высоте изучали в первую очередь в Альпах, поэтому всюду луга в горах называют альпийскими.) За ними выше – лишь травка между камнями, потом лишь голые камни, а выше – камни, покрытые снегом. Жизнь практически тут кончается – никаких тебе эдельвейсов, никакой даже низкорослой, стойкой к ветрам и морозам березки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.